

**Даниловские
Хроники**

2009

Даниловские Хроники

Выпуск III

Данилов

Предлагаем вниманию читателей третий выпуск брошюры "Даниловские хроники". Он состоит из двух частей: "Данилов православный" и "Данилов артистический".

В части первой мы расскажем вам о главе Русской Православной церкви Патриархе Московском и всея Руси Тихоне, митрополите Агафангеле и знаменитом патриаршем архидиаконе Константине Розове, побывавших 29 (16) сентября 1918 года в Данилове. Патриарх освятил Казанский собор. Была проведена служба и в Воскресенском храме. Тысячи даниловцев с восторгом приветствовали высоких духовных лиц. В конце прошлого века Патриарх Тихон и митрополит Агафангел канонизированы, то есть причислены к сонму святых.

В первой же части рассказывается и о последнем духовнике в Казанском соборе женского Богородично-Казанского монастыря Владыке Софронии, на чью долю выпало многолетнее заключение сперва в Архангельской тюрьме, затем три года - на Соловецких островах, а в 1932 году - в Даниловской тюрьме.

О времени, на которое пришлось служение этих великих людей, вы также прочтаете в первой части брошюры.

Вторая ее часть посвящена великим артистам XX века и наших дней Татьяне Дорониной, Алексею Смирнову и Юрию Любимову. Все трое имеют даниловские корни, и мы по праву можем гордиться ими.

Брошюра предназначена для массового читателя, надеемся, что собранный здесь материал заинтересует детей и молодежь.

На обложке брошюры - рисунок Александра Масаинова, сына известного даниловского купца Алексея Нивифоровича Масаинова. Изображен ансамбль Соборной площади города Данилова, 1916 год.

Татьяна БЕЛОВА.

Часть первая

Данилов
ПРАВОСЛАВНЫЙ

МЫ ПОМНИМ!

Эта фотография по известным всем причинам долгие-долгие годы хранилась под спудом. И лишь сравнительно недавно она вынута на свет Божий. Попробуем написать короткое "сочинение по картинке".

Место действия - город Данилов, паперть главного городского собора в честь Воскресения Христова (теперь - горемычный ДК); время действия (установлено по архивам) - 29 (16 по старому стилю) сентября 1918 года, воскресенье. Гонения на Церковь от новой власти усиливаются. Но Патриарх Московский и всея Руси Тихон, лишь год назад ставший главой Русской Православной Церкви, все-таки приехал в Данилов, помня давнее свое обещание: после завершения постройки освятить собор Казанского монастыря на Горушке. Неизвестно - до или после этого события Святейший прибыл в Воскресенский собор. Вот он выходит из дверей храма в сопровождении (чуть позади) митрополита Ярославского и Ростовского Агафангела. Даниловский народ - и стар и млад - радостно встречает их на ступенях паперти. Легкая коляска, запряженная смирной лошадкой, с кучером-возницей наготове, уже ждет высоких духовных лиц. Фотограф стоит через дорогу за огромным деревянным аппаратом на треноге, закрывшись темной накидкой, и не видит, нажимая на спуск, как сейчас войдет в кадр еще одна - "лишняя" - лошадь. От неожиданности чуть дрогнула камера, чуть смазались лица, но снимок вдруг ожил, получил движение и эффект зримой реальности... Куда держат наши гости свой путь? Может, уже спешат на вокзал, к поезду, а может, у кого-то дома их ждет скромная трапеза? Этот знаменательный день навсегда запечатлен в истории Русской Церкви, в истории нашего города.

16 октября, когда отмечается день памяти митрополита Агафангела (1928) и Собор святых новомучеников и исповедников Ярославских, на здании бывшего Воскресенского собора (ДК) была торжественно открыта мемориальная доска. На белом мраморе выгравированы православный крест и такой текст:

"Здесь, в Воскресенском соборе, 29 (16) сентября 1918 года совершил богослужение Патриарх Московский и всея Руси

29 (16) сентября 1918 года.

ТИХОН в сослужении митрополита Ярославского и Ростовского АГАФАНГЕЛА".

Уже в наши дни оба выдающихся церковных иерарха причислены к сонму русских святых, в земле Российской просиявших. Для человека верующего глубоко значим и радостен этот факт и то, что патриарх ТИХОН и митрополит АГАФАНГЕЛ осенили крестным знамением и даниловских людей, и даниловские храмы, благословили местных жителей во всех поколениях на добрые дела во славу Божию.

Были у патриарха и митрополита биографии - стали жития.

(Газета «Мой Данилов», №17, 17.10.2007 г.).

Патриарх Тихон

Да, Церковью теперь составлено подробное житие Святейшего Патриарха Тихона. В популярной серии ЖЗЛ ("Жизнь замечательных людей") вышел том "Патриарх Тихон". Поднято из архивов ГПУ, рассекречено и опубликовано следственное дело Патриарха (в миру Василия Ивановича Белавина). Стали доступны многочисленные воспоминания его современников.

Патриарх Тихон

Мы публикуем отрывок из малоизвестного свидетельства архиепископа Рижского и Латвийского ИОАННА (Поммера), лично знавшего Патриарха.

"Родился он в 1865 году в семье священника (близ города Торопца Псковской, теперь Тверской губернии - **Ред.**), обучался сначала в духовно-учебных заведениях Псковской епархии, а потом в Санкт-Петербургской Духовной Академии. По окончании учения проходил духовно-учебную службу во Пскове, Казани, Холме (теперь город Хелм, Польша - **Ред.**). В 1891 году постригся

в иноки; в 1897 году удостоен архиерейства; в 1898 году назначен на святительский пост в Северную Америку; в 1907 году призван обратно в Россию на пост архиепископа Ярославского; с 1913 года проходил святительское служение в Вильне (теперь Вильнюс - Ред.); с 1917 года состоял (по избранию) митрополитом Московским.

Что сказать об этом первом периоде жизни? Школьные товарищи сохранили об отроческих и юношеских годах его самую светлую и добрую память. Учился он всегда прекрасно; был необычайно мирен, кроток и добр; за своеобразную не по летам солидность жизнерадостная молодежь прозвала его "Патриархом", не подозревая, конечно, что Василию Белавину Богом и на самом деле суждено стать Патриархом. Это школьное прозвище сопутствовало ему и тогда, когда он из учащегося превратился в учителя, серьезного, дельного, несколько сурового, но неизменно благожелательного ко всем своим питомцам. В сане архиерея он слыл всюду и всегда за чрезвычайно энергичного, неутомимого церковного и гражданского деятеля, обладавшего поразительной способностью разбираться в обстоятельствах, делах и людях. Не мудрствуя лукаво, руководясь простым, ясным, честным, здравым русским смыслом, он подходил к самым сложным святительским, церковно-общественным, национальным, церковно-государственным задачам и разрешал их в Америке и на Руси неизменно удачно. Это создало ему репутацию архипастыря мудрого. В обхождении с людьми и высшими себя, и низшими, и со своими, и с чужими, он был обаятелен. Его простое, одухотворенное, светлое, проникновенное благодушие, кажется, не могло быть нарушено никем и ничем.

Я лично знал его с 1903 года, видел его на различных ответственных постах, в различных, иногда неимоверно сложных положениях, но никогда я не видел его хотя бы на время утратившим дивную христианскую ясность духа. Ярославцы с неподдельной нежностью называли его "ясным солнышком". Град Ярославля Мудрого так полюбил своего доброго и мудрого архипастыря, что при расставании с ним оказал ему совершенно исключительную честь, избрав его почетным гражданином города Ярославля.

В Вильне, где вероисповедные, политические и национальные распри ставили архипастыря в исключительно труд-

ное положение, где над всеми сторонами жизни реял коварный дух иезуитства, постоянно строивший козни православным архипастырям и не раз приводивший к преткновению даже колоссов православной русской силы, ясный, смиренный, простой Тихон проходил свой тяжелый архипастырский путь в пору тяжелого военного времени без преткновений.

Когда в 1917 году первопрестольная Москва, при избрании архипастыря на пост митрополита Московского, предпочла всем современно громким и славным архипастырским именам кандидатуру смиренного, простого архиепископа Виленского и Литовского Тихона, тот принял это избрание не без смущения, но мне никогда не приходилось слышать, чтобы смиренный Тихон разочаровал требовательную Москву, оказавшую ему исключительную честь и доверие.

Как верный сын своего народа, на всех местах служения он принимал к сердцу решительно все, что касалось жизни, блага и интересов людей. Поэтому работа его никогда не ограничивалась только церковным кругом и делом. В 1905 году он состоял активным и почетным членом в одной из политических партий и в духе этой партии работал, особенно при выборах в Государственные думы, от первого до последнего созыва...

Когда собрался в 1917 году Всероссийский Церковный Собор, когда заблестали на нем архипастыри, пастыри и церковные люди, кто ученостью, кто красноречием, кто громким именем, Тихон не блистал, был солидно деловит, скромн и смирен. Москвичи благодушно остряли про него: "Тих он". Однако, когда стали перебирать кандидатов на Всероссийский Патриарший престол, неизменно стали называть и имя митрополита Тихона. Правда, в числе кандидатов он занял, по числу предложений, третье место, но глубочайшее уважение и любовь к нему среди участников Собора были таковы, что когда жребий решил дело в честь митрополита Тихона, священное "аксиос" ("достоин" - Ред.) было беспредельно единодушным, ибо все сознавали, что кормило корабля Российской Православной Церкви попало в руки непреерекаемо верные. Благодатному и мудрому водительству его с полнейшим доверием и любовью с первого же дня подчинились все без изъятия...

Встретил он избрание с глубочайшим смирением, с ясным со-

знанием великости и трудности предлежащего подвига и сопряженных с ними тяжких испытаний и страданий. "Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, - говорил он делегатам Собора, - на котором написано: плач, стон и горе (Иез. 12, 10). Сколько мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне Патриаршем служении и особенно в настоящую тяжелую годину!.. Отныне возлагается на меня попечение о всех церквях Российских и предстоит умирание за них во вся дни. Но да будет воля Божия!.."

Эта речь новоизбранного оказалась пророческою... Ясно, сколь труден был его подвиг. Он не допустил к чистой святой вере никаких примесей. Среди всеобщего разрушения и разложения он сумел сохранить и канонический организм церковный в строжайшем соответствии с требованиями святых законов и правил... Подобно Святителю Николаю, Патриарх Тихон для своих пасомых и сопастырей был тем правилом веры, держась которого верующие пребывали в вере, не взирая ни на что..."

Преставился Патриарх Тихон 7 апреля 1925 года, в праздник Благовещения. Святые его мощи теперь покоятся в главном храме московского Донского монастыря (метро "Шаболовская", далее 10 минут пешком). Установлены дни памяти Святителя Тихона: 7 февраля, 7 апреля, 9 октября.

Митрополит Агафангел

Агафангел - в переводе с греческого означает "добрый вестник". Это имя иноческое, его принял Александр Лаврентьевич Преображенский, постригаясь в монашество на 31-м году жизни.

А родился он 27 сентября (по новому ст. 9 октября) 1854 года в Тульской губернии, в селе Мочилы неподалеку от городка Венёв. Родители его - священник Лаврентий Иванович Преображенский и матушка Анна Ивановна - в жизни своей семьи воплощали многие традиционные черты тысяч подобных семей русского сельского духовенства. Вдохновенное пастырское служение отца Лаврентия в скромном деревенском храме сочеталось с тяжелым будничным крестьянским трудом, неизбежно сопровождавшим жизнь семей сельских иереев. Аскетический образ жизни, смиренное принятие бедности, приобщение детей с малолетства к сельским работам, непрерывные занятия батюшки с ними по русской истории и литературе, незаметные, но исполненные духовной значимости заботы матушки Анны, бережная любовь друг к другу - такова была атмосфера семьи, в которой началось формирование личности отрока Александра. Облик отца Лаврентия и жизнь его явили для маленького Саши тот образ служения Богу и людям, которому он всем сердцем желал уподобиться.

Получив первоначальное воспитание и образование под руководством своих родителей, Александр в 13 лет поступил в Венёвское духовное училище. Потом были Тульская семинария, Московская Духовная Академия (интересно, что на 3-м курсе он получил премию за лучшую проповедь, а за дипломное сочинение был удостоен степени кандидата богословия). Выпускник Академии был назначен на скромную должность преподавателя латинского языка в одно из духовных училищ Рязанской епар-

Митрополит Агафангел

Митрополит Агафангел

стеству себя как бы лишним на свете, выброшенным из жизни, лишенным пристанища, я понял, что жизненный путь, избранный мною, - не мой жребий, и стоя над двумя еще не остывшими трупами, я спросил себя: неужели же еще и еще нужно усиливаться поймать летучие тени, гоняясь за призраками минутных, обманчивых наслаждений? О нет, довольно... Тогда, преклоняясь перед неисповедимою волею Божиею, я поспешил оставить мир, взять свой крест и приобщиться к лику иноческому".

В марте 1885 года в Рязани Александр Лаврентьевич Преображенский был пострижен в монашество с именем Агафангел - в честь мученика IV века.

Можно бы подробно перечислять те ступени, по которым инок и кандидат богословия Агафангел взошел до сана митрополита, но оставим это для специальных изданий. Скажем лишь, что нелегкое его служение начиналось на бескрайних просторах Сибири: Томск, Иркутск, Тобольск (в Тобольске уже был правя-

хии. Предполагая идти по стопам отца и стать со временем приходским священником и семьянином, Александр Преображенский в 1882 году вступил в брак. Но уже в следующем году ему суждено было пережить большое горе. Впоследствии он так вспоминал об этом:

"...После одиннадцатимесячной супружеской жизни я разом потерял и жену, и сына. И только тогда, убитый горем, снедаемый чувством безысходной скуки, горького сиротства и бесприютности, чув-

щим архиереем). А в конце 1897 года он получил назначение в Рижскую и Митавскую епархию (затем - в Виленскую и Литовскую). На прибалтийской земле святитель Агафангел плодотворно трудился целых 16 лет.

"В положении духовного главы православного населения, - писала газета "Виленский Вестник", - Владыка явился опытным руководителем его в важнейшие моменты общественной жизни. Он был душой русского общества во время выборов в Государственную Думу и своим влиянием много способствовал объединению разрозненных общественных элементов на кандидатах, преданных русским национально-государственным интересам. Нельзя не отметить... отзывчивость Владыки к людской нужде и горю. На дела благотворения он отдавал значительную, если не большую часть своих личных средств... Счастливая уравновешенность духа, мягкость и внимательность в общении, ровность и выдержанность характера, полное уважение к чужому мнению - вот те личные свойства Владыки, которые невольно заставляли любить его всех соприкасавшихся с ним".

Любопытный факт: в начале 1914 года архиепископ Агафангел прибыл из Вильны в Ярославль, поскольку получил назначение на древнюю Ярославскую и Ростовскую кафедру, а архиепископ Тихон (будущий Патриарх) отбыл в Вильну, прослужив на ярославской земле почти 7 лет. "Пост сдал - пост принял". Оценив по достоинству личностные добродетели друг друга, Владыка Агафангел и Владыка Тихон оказались надолго связанными между собой тесными духовными узами. Именно поэтому святитель Тихон в 1922 году, оказавшись под арестом, вручил кормило высшей церковной власти святителю Агафангелу, который мужественно принял самое трудное и самое главное служение в своей жизни - служение Местоблюстителя Патриаршего Престола.

Он ни в чем не предал православной веры отцов, ни в чем от нее не отрекся. Вот слова одного из его посланий: "Распоряжения, смущающие религиозную совесть и нарушающие каноны, исполнять не можем". Святитель Агафангел испытал в 20-х годах жуть ярославских и московских тюрем, ужасы - вместе с

уголовниками - долгого этапа до Нарымского края, куда новая власть отправила его, 70-летнего, в ссылку.

Преставился митрополит Агафангел в Ярославле 16 октября 1928 года. В 2000-м году он причислен к лику святых. Его мощи теперь покоятся в центре города, в Сретенской церкви Ярославского Казанского монастыря, где настоятельницей хорошо знакомая даниловцам матушка Екатерина с Горушки. Дни памяти: 7 февраля и 16 октября.

По материалам "Журнала Московской Патриархии"
и "Ярославских епархиальных ведомостей".

ЧЕТВЕРТЫЙ СПРАВА

Вспомните этот известный музейный снимок: год 1918-й, 29 сентября, Данилов, Горушка. Патриарх Московский и всея Руси Тихон вместе с митрополитом Ярославским и Ростовским Агафангелом в окружении духовных и светских лиц, монахинь Казанского монастыря и многочисленных верующих запечатлен на паперти Казанского собора. Четвертый справа от Патриарха, со шляпой на коленях, это - Константин Васильевич Розов, знаменитый патриарший архидиакон.

Вообще-то было бы безумно интересно узнать на этом снимке каждого, рассказать - хоть кратко - о его жизни. Получился бы прелюбопытный том. Но, увы, это теперь невозможно. Поименно знаем лишь некоторых. И тем ценнее для нас подготовленная Издательским отделом Московского Патриархата небольшая книга воспоминаний дочери Константина Розова Людмилы Константиновны - "Великий Архидиакон". Ее страницы перелистаем вместе.

Вот какую заметку выудила Людмила Константиновна из старых газет за два с лишним года до посещения архиереем Даниловым (март 1916 г.): "Воскресная служба в Неделе Православия в Успенском Соборе Кремля издавна привлекает массу молящихся. К этому дню готовятся не только московские ценители диаконских низких голосов, но съезжаются даже из далеких местностей России. В это воскресенье происходит в Московском Успенском Соборе торжественная служба - "Чин Православия", во время которой соборным протодиаконом, кроме "вечной памяти", "многолетий", провозглашается "анафема" отлученным от Православной Церкви. Прослушать-то эти провозглашения и собираются любители, среди которых есть и были очень популярные в Москве лица... В настоящее время служащий в соборе протодиакон Розов превзошел своих предшественников и пользуется необычайной популярностью".

Из письма К. Розову: "...Вчера все, находящиеся в Соборе, в день "Чина Православия", были поражены Вашим могучим голосом и чеканным Вашим прочтением "анафемы". Вы по исполнению и голосу второй Шаляпин..."

Из свидетельства современника: "...Вслед за священниками выходил из алтаря и протодиакон - знаменитый в свое время Розов, весь в золоте, с пышными по плечам волосами, рослый и могучий, и среди храма, переполненного нарядной публикой, громогласно, высокоторжественно и сокрушительно порицал всех отступников Православия... возглашая густым, ревушим басом: "А-на-фе-ма!!!" Стекла дребезжали от могучего протодиаконского голоса. От проклинающего рева вздрагивали скромные огоньки церковных свечей..."

Родился Константин Васильевич на симбирской земле в 1874 году в многодетной семье сельского священника. Еще обучаясь в Симбирской духовной семинарии, пел в архиерейском хоре кафедрального Троицкого собора. В сентябре 1896 года Константин Розов был "определен на диаконскую вакансию" в этом соборе и рукоположен в сан диакона. Верующие Симбирска были покорены уникальным голосом молодого священнослужителя. Вскоре его пригласили в Москву на штатное диаконское место в соборе Христа Спасителя. А через несколько лет он уже служит в Успенском соборе Кремля в сане протодиакона.

В 1903 году на одном из богослужений в Успенском соборе присутствовала императорская семья. Неповторимый бас покориł и ее. Розову были "пожалованы из Кабинета Его Императорского Величества золотые часы с золотой цепью". Император выразил желание видеть Розова протодиаконом при соборе Зимнего Дворца в Санкт-Петербурге... Так складывалась служебная и певческая карьера симбирского самородка.

Архидиакон Константин Розов

Два с половиной года служил Константин

Розов при царском Дворце. Неизвестно, что послужило истинной причиной его увольнения, но сохранился такой документ: "Прошение. Климатические условия г. Петербурга не позволяют мне оставаться на службе протодиакона Собора Зимнего Дворца. Посему прошу об увольнении меня от означенной должности... 13 марта 1907 года...Розов".

И снова - Москва, снова Успенский собор в Кремле. Пожалуй, лучшее десятилетие - до революции - в жизни уже знаменитого баса.

Свидетельство современника: "В незабываемое десятилетие этого века в Москве существовало четыре достопримечательности: Художественный и Большой театры, Третьяковская галерея и Синодальный хор. Трудно было приобрести билеты в эти театры, зато всегда и для всех были доступны Третья-

ковская галерея и Большой Успенский Собор в Кремле, где пел Синодальный хор и служил необыкновенный протодиакон Константин Васильевич Розов. И если в Москве кумирами в основном образованной публики были Шаляпин и Качалов, то Розов являлся всеобщим любимцем».

«Развивая древнерусскую традицию исполнения богослужебных текстов, присущую русскому духовенству и передаваемую из рода в род, мой отец, - пишет Людмила Константиновна, - довел это искусство до артистического совершенства. Владея богатой звуковой палитрой голоса и зная меру своих возможностей, он стремился к наиболее выразительной вокальной интонации возглашаемого им богослужебного текста. Будучи от Бога одаренным человеком, он обладал исключительным чувством восприятия прочитанного и утвержденного "в себе самом" значения слова, в стремлении к его смысловой и музыкальной выразительности. Поэтому столь велика была внутренняя сила, воздействовавшая на слушателя, сопричастного к его исполнению. Создавалось подлинное богослужебное искусство».

А внешность? "...одна внешность Константина Васильевича вызывала радостное чувство. Человек высокого роста в соответствии с полнотой, красивым лицом, курчавыми волосами был во всем очень гармоничен и являл собой русского красавца. Его добрые, доверчивые глаза и все его служение убеждали в искренности слов и действий».

Из воспоминаний дочери: "Душевная щедрость, весьма распространенное в житейском общении понятие, поразительно точно характеризующее моего отца, бескорыстно и сердечно проявлялась во всем. Приведу разговор, услышанный в московском троллейбусе... Проезжая через Каменный мост, пассажиры рассказывали: "Раньше Каменный мост был небольшой, и вот бежит по мосту корова, а за ней хозяйка. Навстречу ей идет Розов. Она кричит ему: "Батюшка, останови телку!" А он как гаркнул - корова и сиганула в Москва-реку. Женщина плачет, причитая: "Что же ты, батюшка, сделал? Ведь она - моя кормилица!" А Розов, извиняясь, достал из кармана деньги и отдал ей. Та увидела и ахнула: "Батюшка, на эти-то деньги три коровы можно купить!.."

В 1917 году, спустя двести с лишним лет после петровского запрета, на Поместном Соборе Русской Православной Церкви было восстановлено патриаршество. В переполненном Храме Христа Спасителя имя нового патриарха довелось провозгласить Константину Розову. *"И вот протодиакон, пишет современник, своим знаменитым на всю Москву, могучим и в то же время бархатным басом начал провозглашать "Многолетие". Напряжение в храме достигло высшей точки. Кого назовет? "...Патриарху Московскому и всея Руси Тихону!.." - раздалось на весь храм"*.

Одна из газет потом сообщала: *"После восстановления Патриаршества патриаршим архидиаконом стал знаменитый Константин Розов - фигура колоритная, исключительно одаренный артистически человек с громоподобным голосом, натура целиком народно-традиционная"*.

В смутные годы гражданской войны и жесточайших гонений на Церковь, в годы раздуваемого новыми властями церковного раскола К. Розов не поддался никаким искушениям. Вот цитата из прессы русского зарубежья той поры: *"Нужно сказать, что Розов, несмотря на массу выгоднейших в материальном отношении предложений "живоцерковников", твердо оставался верен Патриарху Тихону, дошел до нужды, должен был даже продать для жизни драгоценную для него реликвию, часы - подарок Государя, но убеждений не изменил"*.

Чтобы как-то выживать, Розов обратился к концертной деятельности. Он, правда, и раньше выступал с концертами, но теперь включил в свой репертуар и светские произведения. Исполнял он как русские народные песни - "Лучина", "Утес на Волге", "Из-за острова на стрежень", "Прощай, радость", так и классические вещи - "Благословляю вас, леса" Чайковского, "Калистрат" Мусоргского, "Ночной смотр" Глинки. Не оставляя церковных богослужений, Розов становится солистом Московской академической капеллы и концертирует совместно с артистами Большого театра в Архангельске, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Петрограде...

Еще в 1910-х годах музыкальная фирма Пате сделала се-

рию записей духовных песнопений в исполнении К. Розова на граммофонных пластинках. Некоторые из них были восстановлены и воспроизведены на долгоиграющей пластинке, выпущенной фирмой "Мелодия" в 1990 году. Но - увы и ах! - это лишь бледная копия живого голоса архидиакона.

В октябре 1921 года в Москве торжественно отмечалось 25-летие священного служения Церкви К. В. Розова. Говорят, что в тот день в Храме Христа Спасителя собралось свыше

15 тысяч человек. Состоялось наречение Константина Васильевича Великим Архидиаконом. Такое наречение было впервые в нашей Церкви. Поздравлений, величаний, памятных адресов было без счета.

От московских диаконов: "...только тот Божий дар, который заложен в Вас, и только личные Ваши качества могли послужить основанием для возбуждения и укрепления в нас чувства уважения, преклонения пред Вами и, наконец, попросту чувства любви к Вам... Вы создали особую школу для диаконов-басов, которые подражают Вам и своей дикцией и своими действиями и смотрят на Вас, как на своего учителя".

От земляков-симбирцев: "Первый диакон Всероссийской церкви, всеми почитаемый и уважаемый и... ни капли гордости, ни тени самомнения, столь свойственных по немощам нашим людям подобного положения".

От москвичей: "Мы, московские жители, не можем не отметить того чисто человеческого, полного братской любви отношения Вашего к мирянам, которое снискало Вам задушевное, от самого сердца идущее и свободное от всякой официальности имя

"Дяди Кости". Всей православной Руси ведомо имя архидиакона Константина Розова, но имя "Дяди Кости" будет всегда жить в сердцах жителей Москвы и ее окрестностей".

От К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко и корифеев театра: "Просим принять наше приветствие как почитателей Вашего могучего голоса и чуткого таланта, по случаю 25-летнего юбилея Вашей деятельности. Он дорог нам еще и тем, что Вы Ваше дарование принесли на сцену Московского Художественного академического театра, принимая участие в пьесах "Каин" Байрона и "Царь Федор Иоаннович" А. Толстого".

В марте 1923 года Константин Васильевич Розов участвовал в последнем концерте "Духовных песнопений", который состоялся в Большом зале Московской консерватории. Врачи нашли у него серьезное заболевание сердца. Скончался Великий Архидиакон 30 мая того же года в возрасте 49 лет. Хоронили его в Москве, на Ваганьковском кладбище. Патриарх Тихон был в то время арестован и не смог прибыть на отпевание. "В день похорон, - пишет мемуарист, - большевиками были приняты значительные меры против скопления народных масс, было приказано закрыть кладбище с 4-х часов, но ничего не помогло. Масса народа... Пришедшими почтить память Розова кладбище было открыто, церковь кладбищенская переполнена..." На 40-й день кончины своего архидиакона на кладбище, чтобы совершить литию на могиле, прибыл и Патриарх, освобожденный несколькими днями раньше.

К 100-летию знаменитого диакона в 1974 году Московская Патриархия установила на его могиле памятный крест белого мрамора с надписью: "Великий Архидиакон Константин Васильевич Розов". Теперь здесь всегда - цветы. Такого человека, такой голос забыть невозможно.

Этот уникальный бас помнят и стены даниловских Казанского и Воскресенского соборов, где состоялась в сентябре 1918 года патриаршая служба. Вспомнили и мы, коль заново перелистываем эту страницу из истории нашего города.

По материалам книги Л. К. Розовой
«Великий Архидиакон».

Тяжкий крест пастырского служения Владыки Софрония

На самые богоборческие двадцатые годы прошлого века, именно на эту темную эпоху, когда духовный сан означал отнюдь не почести, а тяжкий крест, пришлось пастырское служение Богу Преосвященнейшего Владыки Софрония, епископа Забайкальского и Селенгинского (в миру Сергея Прокопьевича Старкова), последнего духовника в Казанском соборе женского Богородично-Казанского монастыря на Горюшке.

По промыслу и мудрому устройению Божию, Русской Православной Церкви, в лице как мирян, так и предстоящих престолу Господню пастырей, не раз пришлось переживать тяжелые времена. Но, пожалуй, самым страшным периодом, поистине "горнилом огненным", стали двадцатые годы прошлого века - не случайно многие историки находят сходство между гонениями первых времен Церкви и испытаниями, через которые прошли православные верующие сразу после прихода к власти богоборцев в 1917 году. По слову Высокопреосвященнейшего Владыки Мефодия в бытность его в начале XX века архиепископом Харбинским и Маньчжурским, как в первом случае "власть, которая считала веру Христа вредным противогосударственным суеверием, напрягала все силы, чтобы истребить с лица земли самое имя христиан", так и во втором "напрягает точно так же все силы, чтобы искоренить религию, исторгнуть из души народных масс всякую веру и прежде всего веру Христа".

Сергей Прокопьевич Старков родился 22 сентября (5 октября по новому стилю) 1875 года в Забайкальской епархии Селенгинского уезда в селе Ильинском (Троицкий вал) в семье фельдшера и крестьянки. По его собственному свидетельству, семья

Старковых не отличалась особенным достатком, - "в младенчестве сноп чужой жатвы, на которой должны были работать мои родители, бывал часто моей колыбелью за летнее время", - что, впрочем, не помешало будущему Владыке научиться читать в четырехлетнем возрасте и полюбить книги.

По настоянию матери (малообразованной, но истинно верующей энергичной женщины, ставшей, кстати, первой учительницей грамоты для Сергея Прокопьевича), в 1884 году девятилетним мальчиком он прислуживал на

клиросе родного сельского храма, а с 1885 года начинается его жизнь в Троицком Селенгинском монастыре и учеба в церковной школе, устроенной при обители архимандритом Иринархом. Известно, что монастырским послушанием десятилетнего Сергея стало чтение в трапезной по Минеям житий угодников Божиих.

Благодаря молитвенному участию и заботам архимандрита Иринарха, епископа Селенгинского, и викария Забайкальской епархии Мелетия I, а также архиепископа Иркутского Вениамина, для будущего Владыки, несмотря на отсутствие средств, стала возможной учеба в Нерчинском духовном училище, а за-

Владыка Софроний (Сергей Прокопьевич Старков)

тем и в Иркутской духовной семинарии, которую он закончил в 1896 году. Однокурсником и другом Сергея Старкова в эти годы становится Ефрем Кузнецов (впоследствии епископ Селенгинский, викарий Забайкальской епархии, расстрелянный 23 августа 1918 года).

Изначально Сергей Прокопьевич не мыслил свое пастырское служение в рядах черного духовенства, поэтому был благословлен на брак с Александрой Николаевной, дочерью диакона. Плодом этого супружеского союза стали семеро детей: Георгий, Анна, Александр, Елизавета, Елена, Евстолия и Александр. Известно, что Владыка Ефрем (Кузнецов) являлся крестным отцом Елизаветы Сергеевны Старковой, в замужестве Музыченко. 1 августа (14 августа по новому стилю) 1896 года С. П. Старков был рукоположен Архиепископом Иркутским и Верхотенским Тихоном, а также Епископом Забайкальским Георгием в сан диакона, после чего начинается его служение в сельском храме в одном из уездных городов епархии.

Затем, по словам самого Сергея Прокопьевича, "по воле Божьей в уездном епархиальном городе при неизменном внимании, снисхождении и доверии Забайкальских архипастырей, церковных и общественных учреждений" он нашел "широкое поле для применения сил во всех отраслях епархиальной службы и в разнообразных видах церковно-общественной деятельности до участия в деяниях Всероссийского Церковного Собора включительно". С 1914 по 1918 год он занимал должность законоучителя в Читинской духовной семинарии, а с 20 мая 1920 года по апрель 1922 года являлся настоятелем Читинского кафедрального собора.

За годы своего пастырского служения в рядах белого духовенства протоиерей Сергей, будущий Владыка Софроний, Епископ Забайкальский и Селенгинский, получил следующие священнические награды: набедренник (1898 год), скуфья (1902 год), крест (1909 год), камилавка (1912 год), палица (1918 год) и другие.

В 1918 году Сергей Прокопьевич потерял спутницу жизни и воспринял это событие как "самый тяжелый удар Божьей грозы"; через три года он принимает монашество. Пострижение в иночество с именем Софроний состоялось 19 марта (1 апреля по новому стилю) 1922 года за всеобщим бдением в храме Благо-

Семья Сергея Прокопьевича Старкова

вещения Божией Матери Пекинского подворья в городе Харбине. На следующий день Забайкальский епископ Мелетий в сослужении местного сонма духовенства рукоположил новопостриженного инока в сан архимандрита.

10 апреля (23 апреля по новому стилю) 1922 года по указу Священного Синода и Святейшего Патриарха Тихона архимандрит Софроний был возведен в сан епископа города Селенгинска и стал викарием Забайкальской епархии. Хиротонию, которая

проходила в Свято-Николаевском соборе и впервые в Харбине, совершили: Мефодий, Архиепископ Оренбургский (в качестве предстоятеля); Михаил, епископ Владивостокский и Приморский; Мелетий, епископ Забайкальский и Нерчинский; Нестор, епископ Камчатский и Петропавловский.

1 марта 1924 года указом Святейшего Патриарха Тихона епископ Софроний был назначен в Архангельскую епархию, где служил вплоть до мая этого же года. 1 мая 1924 года подвергся заключению в Архангельскую тюрьму, где содержался до 14 сентября 1924 года. После решения суда с 26 сентября 1924 года отбывал трехлетнее заключение в Соловецком лагере, откуда был освобожден только 16 октября 1927 года. Есть документальные свидетельства тому, что союзником епископа Софрония был недавно причисленный к лику святых архиепископ Иларион (Троицкий). Более того, именно в "артели Троицкого" "на Филимоновской рыболовной тоне, в семи верстах от Соловецкого кремля и главного лагеря, на берегу заливчика Белого моря" и пришлось ему работать сетеводом и рыбаком рука об руку с ныне прославленным Владыкой.

Затем, с декабря 1927 года, по благословению Митрополита Ярославского Агафангела, Епископ Софроний был назначен духовником и совершал богослужения в Казанском соборе женского Богородично-Казанского монастыря в городе Данилове Ярославской епархии. После закрытия Казанского монастыря в 1928 году он продолжал совершать богослужения в Воскресенском соборе и храме Смоленской иконы Божией Матери. Известно, что в Данилове Владыка проживал в доме № 46 по улице Петроградской (позже - III Интернационала, ныне - Петербургской), однако сразу по приезду в город ему был оказан приют в доме монахини Клавдии (Сироткиной) по адресу: улица Новотроицкая (ныне - Свободы), д. № 22. На время пребывания Владыки в городе Данилове его келейницей стала монахиня Казанской обители Ангелина. С 15 мая по 16 октября 1932 года Епископ Софроний находился в заключении в ИТУ (Даниловской тюрьме).

По благословению заместителя Патриаршего местоблюс-

тителя Митрополита Горьковского Сергия, 28 октября 1932 года назначен на кафедру Епископа Арзамасского, Викария Горьковской епархии. 3 ноября 1932 года было назначено вечернее Архиерейское богослужение, но Владыка почувствовал недомогание и принять участия в службе не смог. В ночь с 3 на 4 ноября 1932 года епископ Софроний скончался от сердечного приступа в городе Арзамасе. Кладбище, на котором он похоронен, до настоящего времени не сохранилось - в этом месте теперь проходит шоссейная дорога.

По материалам приложения к журналу "Сеятель" за 1922 год (Наречение и хиротония протоиерея о. Сергия Старкова во епископа Селенгинского. Издание журнала "Сеятель". Харбин, 1922) и личным воспоминаниям родственников ныне покойного Владыки.

За что сапожника упекли в ГПУ?

За два месяца 1922 года из 22 церквей Даниловского уезда изъято 33 пуда 9 фунтов 94 золотника серебра, 10,25 золотника золота, 157 жемчужин, 40 штук бирюзы

Летом 1921 года в Поволжье, Приуралье, на Кавказе, на юге Украины разразилась жестокая засуха. В 34 губерниях России царил голод. Пройдет несколько месяцев, и советская власть сумеет использовать народное бедствие для борьбы с Церковью, но вначале положение оказалось настолько серьезным, что большевики обратились к патриарху Тихону, чтобы привлечь Церковь к кампании помощи голодающим. Сострадавая народному горю, святитель Тихон направил своей пастве, зарубежным первоиерархам послание, в котором во имя христианской любви призывал провести сбор продовольствия и денег для вымирающего Поволжья.

Под председательством патриарха был организован "Все-российский комитет помощи голодающим" (Помгол). Но вскоре активная деятельность Помгола вызвала решительное недовольство властей, и в августе 1921 года этот комитет был распущен, собранные им денежные средства конфискованы, а за дело взялась "Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИКе".

23 февраля 1922 года ВЦИК принял декрет о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих. На этот декрет патриарх Тихон ответил новым посланием, в котором призывал церковные общины жертвовать для голодающих любые драгоценные церковные украшения, если они не имеют богослужебного употребления, но чтобы изымать всё подряд... "С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства. Мы не можем, - говорилось в послании, - одобрить

изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужбных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство: миряне - отлучением от нее, священнослужители - извержением из сана". Послание было разослано по всем епархиям, доведено до сведения приходов.

В Данилове тоже получили и тот, и другой документ. В марте создается комиссия по изъятию церковных ценностей по Даниловскому уезду. Губернским уполномоченным ее становится И. А. Ступников. В состав комиссии вошли: от уисполкома - Волгин (председатель), от уфинотдела - Андрианов и Колычев, от уездного комитета помощи голодающим - Добротин, секретарем был Белосельский, экспертами - Касторова и Ординарцева. Сохранился протокол комиссии от 30 марта 1922 года, когда был утвержден план работ. Для их проведения решили просить Президиум УИК и Комитет партии выделить 12 самых добросовестных партийных работников. "Для упаковки ценностей пригласить столяра для изготовления ящиков и закупить веревку". В качестве экспертов из народа приглашены В. А. Васильев (школа 2-й ступени № 1) и Н. М. Державин (педтехникум). Почему выбрали именно этих людей, история умалчивает. Можно предположить, что в комиссии нужны были представители интеллигенции. Для изъятия церковных ценностей в волостях созданы волостные тройки.

И - началось! Ход изъятия в уезде замедлялся разливом рек, бездорожьем. Но до Горушки добраться нетрудно. Первым попал под эту процедуру Казанский женский монастырь. Там, с точки зрения власти, всё прошло спокойно. У монахинь отобрано 16 церковных серебряных предметов весом 20 фунтов 22 золотника. Комиссия хотела снять серебряные ризы с Казанской и Феодоровской икон Божией Матери, но монастырь сумел собрать среди сочувствующих бытовое серебро весом 14 фунтов и передать взамен риз (поначалу это еще было возможно, но спустя годы отобрали и иконы вместе с ризами, монастырь закрыли).

При изъятии ценностей из главного городского Воскресенского собора церковная комиссия из прихожан - Михаил и Дмитрий Кругликовы, Леонтьев, Соколова и священник Юматов, пы-

талась тормозить работу и "создать атмосферу явно контрреволюционную". Дело было передано в ГПУ. Ценности изъяты.

Что же изымали из храмов? Почему прихожане, не боясь ГПУ, создавали ту самую контр-атмосферу? Да потому что вопреки посланию патриарха Тихона "изыматели"-святотатцы выгребали всё подряд, в том числе и священные богослужебные предметы. Документы сохранили, например, опись ценностей, отображенных у храмов 12 апреля. Это напрестольные кресты, малые кресты, потиры, блюда, лжицы, диски, звезды, оклады, лампы, кадильницы. Из Воскресенского собора изъяты 2 ковчега, оклады Евангелия, 3 напрестольных креста, потиры, диски, звезды, 2 блюда, столовый резной бокал.

Собор подвергался чистке несколько раз - трижды в апреле, а еще 22 мая. Опись, составленная в тот день, значительно объемнее предыдущей. Сюда уже включены "жемчуг мелкий (151 штука), жемчуг средний (5 штук), жемчуг крупный (1 штука), 40 штук мелкой бирюзы, головка с жемчугом, оклад со многими венцами, убрис жемчужный, чепец серебряный, цата с жемчугом" и много другого.

Всего из Воскресенского собора изъято 177 предметов весом 8 пудов 14 фунтов 21 золотник. Обнаружены и ценности, относящиеся ко времени до 1835 года. "С целью определения их археологического и художественного значения" комиссия просила направить из области специалиста-эксперта.

В соседней соборной Смоленской церкви "комиссионеры" собирались снять серебряные ризы с чудотворных икон Смоленской Божией Матери и Николая Чудотворца, но прихожане, так же, как и на Горушке, сумели сохранить святыни, сдав вместо риз разного серебра (ложки, вилки, портсигары) 13 фунтов 32,5 золотника и золота 8,5 золотника. Остальные ценности изъяты.

В Преображенской церкви одна из прихожанок, жена фельдшера Иванова, хотела, поднявшись на колокольню, ударить в набат, а прихожане - сапожник Подлегчев и рабочий железной дороги Николаев - препятствовали изъятию церковных ценностей. На них заведено дело и передано в ГПУ. Изъято из церкви 23 серебряных предмета весом 1 пуд 3 фунта 30 золотников.

Из Вознесенской церкви на городском кладбище унесено 10 ценных предметов весом 4 фунта 12 золотников.

В селах Бухалово, Середа, Успенское в Озерках, Николо-Курзловское, Глазово прихожане отказались выдать ценности. Жители Бухалова назвали изъятие грабежом (что стало с ними, документы не сообщают).

В ряде церквей - в селе Спас-Фоминское Халезовской волости, в Христорождественской церкви

на Ухре Попковской волости, в селах Бородино и Покровское в Жарах Богородской волости, а также в молебне старообрядческой общины города Данилова, по свидетельству комиссии, ценностей не оказалось.

Прихожане собрали свое серебро взамен риз на местных чтимых иконах в селах Вахтино и Троицкое.

В апреле и мае 1922 года комиссия обследовала 60 церквей, в том числе 2 старообрядческие, плюс 3 молебни. Все описи имущества церквей города и уезда были представлены в Губернскую ликвидационную комиссию церковно-монастырских имуществ. Ценности изъяты из 22 церквей уезда. Собрано 33 пуда 9 фунтов 94 золотника серебра, 10,25 золотника золота, 157 жем-

Изъятие ценностей из Симонова монастыря в Москве

чужин, 40 штук бирюзы.

А как там, в ГПУ, повернулось дело священника Юматова и прихожан Воскресенского собора? Что стало с сапожником и его единоверцами с Преображенской площади? История и тут умалчивает. Но можно твердо сказать: их не ждало ничего хорошего. Пример тому - вся Россия. В Петрограде реквизиторы усилили грабеж особо чтимых святынь. Возле храмов собирались толпы прихожан, роптали, негодовали, пытались не впускать святотатцев, но власть вызывала милицию и войска, разгоняла беззащитных людей. Эти столкновения послужили поводом для судов над священнослужителями и мирянами, для жестоких приговоров к тюремным срокам и расстрелам.

В Шуе, когда началось изъятие святынь из собора, к паперти сбежались люди, милиция пыталась разогнать их, тогда в толпе появились колья, которыми люди собирались защитить себя. Но тут на помощь милиционерам подоспели красноармейцы с пулеметами, раздался залп. Толпа в ужасе разбежалась, на площади остались десятки раненых и пять человек убитых. Комиссия, как ни в чем не бывало, приступила к разорению храма.

19 марта 1922 года председатель Совнаркома В. И. Ленин составил секретное письмо по поводу событий в Шуе (в 55 томов его сочинений письмо не вошло, впервые опубликовано лишь в 1990 году). Этот образчик политического цинизма, конечно, надо бы привести полностью, но вот лишь краткий отрывок: "...Изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать".

30 марта заседало Политбюро, на котором по рекомендациям Ленина был принят план разгрома церковной организации, начиная с "ареста Синода и Патриарха. Печать должна взять бешеный тон... Приступить к изъятию по всей стране..."

При изъятии церковного достояния "по всей стране" в 1414

случаях власть прибегала к оружию, а в итоге награбленное составило: 33 пуда золота, 24 000 пудов серебра и несколько тысяч драгоценных камней. По указанию вождя к смертной казни приговорили верующих, арестованных в Шуе, а также в Москве, Петрограде, Смоленске. Патриарх Тихон заключен был под домашний арест и привлечен к суду в качестве обвиняемого.

В августе, 13-го, церковь отмечает память «Священномученика Вениамина, Митрополита Петроградского и Гдовского и иже с ним убиенных Священномученика Архимандрита Сергия и мучеников мирян Юрия (Новицкого) и Иоанна (Ковшарова)». Все они были приговорены к расстрелу на петроградском процессе 1922 года, рассматривавшем дело о сопротивлении изъятию церковных ценностей. На скамье подсудимых оказалось тогда 86 человек. По некоторым данным, в 1922 году общее число жертв, погибших при столкновениях и расстрелах по суду составило 8100 человек.

...Теперь выяснилось, что голодающим Поволжья из того богатства достались лишь крохи. Золото и серебро нужны были властям для подготовки мировой революции. А один из вождей Коминтерна Н. И. Бухарин призывал снести все церкви с лица земли как рассадник контрреволюции. Борьбу против Церкви он рекомендовал поручить товарищу Дзержинскому, а патриарха - казнить.

Что же все-таки стало там, в ГПУ, с нашим бедным даниловским сапожником, пытавшимся перекрыть святотатцам дорогу в храм? Бог весть... Вечная ему память!

По материалам Даниловского историко-краеведческого музея
и 11-томного труда "История Русской Церкви".

НАШ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРИК

ПУД - старая русская мера веса равная 16,38 кг (40 фунтов).

ФУНТ - 0,409 кг (32 лота).

ЛОТ - 12,8 г (3 золотника).

ЗОЛОТНИК - 4,266 г.

РИЗА - 1) верхнее церковное облачение священнослужителей при богослужении; 2) металлический оклад на иконе, оставляющий открытыми только лицо и руки образа.

ПОТИР - литургический сосуд для освящения вина и принятия причастия - чаша на высокой ножке, часто из благородных металлов, украшенная драгоценными камнями.

ДИСКОС - богослужебный сосуд, небольшое круглое блюдо на высокой ножке.

ЛЖИЦА - ложечка для раздачи святого причастия.

УБРУС - 1) старинный русский женский головной убор; 2) низанный начельник (головная повязка, лента), под венцом, на образах угодниц или шитый, браный иконный оклад (браная ткань - узорочная; низанье - бисерная работа).

ГОЛОВКА - головная повязка.

ЦАТА - золотая или серебряная полукруглая подвеска, прикрепляемая к окладу иконы возле шеи изображенной фигуры.

ЧЕРНОЕ ДУХОВЕНСТВО - различают белое духовенство (священнослужители, не приносившие монашеских обетов) и черное духовенство (монашество).

Часть вторая

Данилов
артистический

Татьяна Васильевна ДОРОНИНА Народная

Народная артистка СССР (1981), лауреат первой премии Всесоюзного театрального конкурса (1967).

Лучшая актриса 1967 года по итогам опроса журнала "Советский экран" (за фильм "Старшая сестра").

Лучшая актриса 1968 года по итогам опроса журнала "Советский экран" (за фильмы "Три тополя на Плющихе" и "Еще раз про любовь").

Лучшая актриса 1973 года по итогам опроса журнала "Советский экран" (за фильм "Мачеха").

Кавалер Ордена "За заслуги перед Отечеством" IV степени (1998, в связи со 100-летием МХАТа).

Родилась 12 сентября 1933 года в Ленинграде. Однако род Дорониных происходит из даниловской земли. Отец актрисы, Василий Иванович Доронин, и мать, Анна Ивановна Сергеева, родом из ближайших к Данилову деревень Булатово и Попково. В Булатове в то время Дорониных было много, чуть ли не вся деревня. Дед Татьяны был очень уважаем земляками за доброту, трезвость и работоспособность. Не удивительно, что он был выбран церковным старостой. Здесь, в Булатове, родители поженились, а потом уехали в Ленинград, где и родились их дочери - Галя и Таня.

Вскоре началась война, и семье Дорониных в 1942 году вновь пришлось вернуться в Данилов. Здесь и прошло военное детство Татьяны, нелегкое, голодное, как и у большинства даниловцев. Не случайно, возвращаясь после войны в Ленинград, Доронины везли с собой козу - страх голода еще долго не отпускал их.

...После войны Доронины вернулись в Ленинград, и Таня продолжила учебу в школе. Там же и зародилась ее любовь к театру. Девочка часто выступала в платице из марли перед рабочими в клубе. В восьмом классе Татьяна тайно от родителей отправилась в Москву поступать в Школу-студию МХАТ. Девочка произвела на приемную комиссию благоприятное впечатление и могла быть зачислена, но тут выяснилось, что у нее еще нет аттестата о среднем образовании. Татьяне пришлось вер-

нуться домой доучиваться.

Спустя два года упорная девушка вновь приехала в Москву и подала заявления во все театральные училища: в ГИТИС, в Щепкинское и Щукинское, в Школу-студию МХАТ. Она всюду сдавала экзамены и всюду была принята! В конце концов, Татьяна выбрала все ту же Школу-студию МХАТ, по окончании которой вернулась в Ленинград и стала работать сперва в театре Ленинского комсомола, потом в БДТ. Главным режиссером театра в ту пору был Г. А. Товстоногов, оказавший огромное влияние на формирование актрисы. Одной из первых ролей Дорониной в БДТ была Надежда Монахова в спектакле "Варвары". Зал устроил ей овацию, длившуюся более получаса. После "Варваров" к Татьяне Дорониной пришла слава. В театре ей стали давать исключительно главные роли. Публика просто ломилась на спектакли с ее участием...

В 1955 году состоялся дебют Дорониной в кино. Татьяна сыграла Зою в мелодраме Михаила Колатозова "Первый эшелон". Вместе с Дорониной дебютировали Олег Ефремов и Алексей Кожевников. Но до начала 60-х Татьяна Доронина почти не снималась в кино. И потом сыграла не так много ролей, но среди них не было "проходных", почти всегда удачные. Так, в мелодраме Георгия Натансона "Старшая сестра" (1966) она сыграла Надю. Великолепный ансамбль актеров - Доронина, Жаров, Тенякова, Соломин, Куравлев - создал прекрасный фильм, полюбившийся зрителям. А на следующий год Доронину ждал еще больший успех. Она была приглашена Татьяной Лиозновой на главную роль в мелодраму "Три тополя на Плющихе". Эта картина, по сути, фильм-дуэт. Лиознова свела двух очень разных актеров - Татьяну Доронину и Олега Ефремова. Как признается в своей книге "Дневник актрисы" Татьяна Доронина, в роли Надежды она воплотила образ своей мамы, "ее манеру говорить, петь, ее открытость, доверчивость и самоотрешенность". Фильмы "Старшая

сестра" и "Три тополя на Плющихе" вошли в золотой фонд отечественного кино, а Доронина два года подряд (1967 и 1968) называлась лучшей актрисой страны по итогам опроса журнала "Советский экран". В 1968 году она снялась в фильме "Еще раз про любовь". И вновь - оглушительный успех.

В 1966 году Татьяна Доронина покинула БДТ и переехала в Москву - в Московский Художественный театр им. М. Горького. Однако работа в МХАТе не принесла ей удовлетворения. Спустя три десятилетия актриса признается: "Уход из БДТ - это моя ошибка».

В 1977 году актриса перешла в театр имени Вл. Маяковского. Здесь она поразила строгих ценителей своей Аркадиной в "Чайке", Мэгги в "Кошке на раскаленной крыше", другими ролями.

В кино в 70-е годы Татьяна Доронина снималась уже реже. Среди ее работ тех лет - главные роли в мелодраме Олега Бондарева "Мачеха", лирической драме Цуцуйковского "Обещание счастья", приключенческом фильме Виталия Кольцова "На ясный огонь". Повзрослели и героини Дорониной. Теперь это - сильные и властные женщины с широкой неугомонной натурой. Они всегда хозяйки своей, часто драматической, судьбы, которую актриса проживает на экране с предельной эмоциональной наполненностью.

В 1983 году Доронина ненадолго вернулась во МХАТ к Олегу Ефремову. В 1987 году произошло разделение театра, в результате которого Татьяна Васильевна стала художественным руководителем МХАТа имени Горького на Тверском бульваре, а Олег Николаевич остался руководить МХАТом имени Чехова.

Сегодня Татьяна Васильевна по-прежнему руководит "горьковским" МХАТом. Режиссирует, играет на сцене.

Как все представители ленинградской интеллигенции, Т. В. Доронина дорожит своим ленинградским происхождением, но помнит о своих корнях и называет даниловцев земляками. В вышедшем в 1998 году "Дневнике актрисы" она в нескольких главах вспоминает о Данилове, о своих родственниках, о том, как жили у родной сестры матери, тети Лизы, в деревне Попково. "Черты тети Лизы и Анны Ивановны мы узнаем в ее героинях на сцене и в кино, - рассказывает троюродная сестра Татьяны Васильевны Галина Михайловна Корешкова. - Анна Ивановна с дочерьми Галей и Таней жили в доме №33 по улице Карла Маркса. Домовая книга этого дома содержит запись: "Прописаны 1 августа 1942 года, выписаны 15 мая 1945 года". В городе Анна

Ивановна устроилась на комбинат шить белье, шинели для солдат, а девочки учились в школе №2 имени Ленина. У Тани была молодая учительница Валентина Ивановна Харченко. Татьяна Васильевна поддерживает с ней связь, не забывает поздравить с праздниками».

Из воспоминаний Валентины Васильевны Харченко: «В классе, где училась Таня, было 60 детей, 12 - из детского дома и много эвакуированных. Сидели по трое за одной партой. Таня как-то сразу влилась в душу. Она была открытой доброжелательной девочкой. Конечно, отличалась от других, сразу было видно, что девочка городская. Уже тогда она была красивой, но ничуть не кичилась, не зазнавалась. Любимым ее предметом было чтение. Все схватывала налету, быстро запоминала наизусть. Ей очень нравилась поэма "Сын артиллериста" Константина Симонова. Видимо, сердцем восприняла ее, поэтому читала с особенным чувством. Мы часто выступали на утренниках, и она была ведущей. Нас приглашали в педучилище, в железнодорожный клуб».

В 2000 году состоялась встреча Татьяны Васильевны с первой учительницей и со своей родней на сцене Волковского театра и в Данилове. В том году Ярославский драматический театр имени Федора Волкова праздновал свое 250-летие. Актриса приехала на юбилей и ненадолго заглянула в Данилов. Большую часть времени она провела с родственниками, но не отказалась пообщаться и с представителями общественности. А потом группа даниловцев увидела ее на сцене Волковского театра. Она поздравила коллектив Волковского и его зрителей, раздала много подарков. На юбилее присутствовал и Президент Российской Федерации Владимир Путин. Доронина сама вызвала его на сцену и после недолгого остроумного диалога вручила ему что-то в фирменном пакете. Принимая подарок, Владимир Владимирович сказал: "Из Ваших рук, Татьяна Васильевна, я даже яд выпью". Зал рукоплескал и тому достоинству, с которым вела себя с Президентом великая актриса, и его шутке.

Даниловцам она подарила по маленькому барельефу с профилем А. М. Горького.

По материалам «Энциклопедии кино Кирилла и Мефодия (CD ООО "Медиа-Сервис-2000"); очерка Игоря Изгаршева "Татьяна Доронина. Барышня-крестьянка" ("Аргументы и Факты"); очерка Виталия Вульфа "Срывы в бездну или в бессмертие" ("Известия", 11.09.2003 <http://www.v-vulf.ru>), по воспоминаниям родственников актрисы и ее первой учительницы В. В. Харченко.

В 1998 году в издательстве "Вагриус" вышла книга воспоминаний Татьяны Дорониной "Дневник актрисы", отрывки из которой мы и предлагаем вашему вниманию. Татьяна Доронина вспоминает о том, как до войны ездили к бабушке в Ярославскую область в деревню Булатово, что стоит почти на пошехонской дороге (7.11.84), как в войну ее семью эвакуировали из Ленинграда (8.11.84), о жизни семьи в годы войны в Булатове и Данилове. Нюрой и Васей Татьяна Доронина называет своих родителей.

Из «Дневника актрисы»

7.11.84

Теперь - о бабушке Лизавете и Марии.

Приехала бабушка из деревни. Мамина мама, зовут ее Елизавета Тимофеевна, но папа зовет ее мамашей, а мы с Галькой зовем просто бабушкой. Она высокая и очень прямая. У нее короткие седые волосы, всегда прикрытые белым платком в мелкий и редкий синий горошек. Разговаривает она мало, мама сказала, что бабушка "непривычная к разговору". По утрам мы с бабушкой отводим Гальку в школу. Галька надевает красный галстук, зажимает его красивой зажимкой, на которой изображен маленький костер, берет портфель, мешок для калош, и мы выходим втроем на улицу. Я держусь за бабушкину жесткую руку и едва поспеваю, почти бегу - бабушка шагает широко, как в поле ходят. Молча мы доходим до улицы Правды. Галька остается в красивой школе, где в большом коридоре стоит высокая круглая клетка, а мы с Лизаветой идем обратно. Лизаветой бабушку зовут в деревне - так сказала мама. Я все хочу спросить Лизавету - для чего стоит круглая клетка в школе, но стесняюсь, думаю, а вдруг она скажет: "Такая большая девгочка, а не знает". Она почему-то говорит не девочка, а девгочка. "Что это ты, девгочка, в тарелке еду оставляешь?" Потом ее положили в больницу. Папа долго шептался с мамой, мама плакала, потом папа надел вышитую рубашку и пошел к своему знакомому профессору Немено-

ву. Это хороший профессор, он очень с большим уважением с папой разговаривал, после этого уважительного разговора Лизавету и положили в больницу. Она для этого и приехала в Ленинград из Ярославской, где у нее два сына и еще дочка, кроме моей мамы, зовут дочку тоже Лизаветой.

...Потом мама взяла меня с собой к бабушке в больницу. В больнице было как-то холодно и непривычно пахло. Мы идем по длинному коридору, на маме белый халат, в руках у нее авоська с яблоками и какими-то сверточками. В комнате, куда мы вошли, лежало несколько женщин, и бабушку я не нашла. Мама сказала: "Не бойся", и я увидела бабушку. У нее на голове было что-то непонятное - большое и желтое - так бабушке лечили глаз. Вечером мама плакала, а папа ее успокаивал и говорил: "Он всех вылечивает, Неменов, ты, Нюра, не волнуйся". И Неменов вылечил. Бабушка уехала в Ярославскую, но один глаз у нее был закрыт черной повязкой.

Тетя Ксения на кухне говорила маме: "Это ведь, можно сказать, чудо, чтобы такое вылечить", а мама кивала головой и опять говорила про профессора Неменова и про уважение.

Летом мы поехали в Ярославскую. Поехали вчетвером - у папы отпуск. Так редко, чтобы отпуск был летом, - при мне так первый раз. Я люблю, когда мы все вместе. Мама при папе спокойнее, все улыбается, я от папы никуда, а Галька сердится, ей кажется, что мама с папой любят меня больше. Вася это понимает, он все понимает всегда, и говорит: "Понимаете, у меня на руке пять пальчиков, какой ни уколи, мне больно. Так и вы с Таткой, как два пальчика". Мама смеется: "Ну и чего ты опять говоришь "понимаете"?"

Живем в Булатово у тети Маши. Дом большой, перед домом огромная яблоня. Яблочки на ней маленькие, но ее не рубят - очень красивая. В избе пол из широких, почти белых досок - тетя Маша очень любит чистоту. Вот только уборная, которая тоже из белых досок, почему-то без крышки. Это некрасиво. Я беру крышку от кувшина и несу в уборную. Закрываю. Крышка исчезает, а отверстие опять открыто. Во дворе смеются. Сначала мама, потом тетя Маша, папа и Галька. Мама поднимается по лестнице, берет меня на руки и говорит: "Ты бы крышечку-то побольше бы взяла, что ли". А тетя Маша сказала: "Ведь вот что значит,

когда городской ребенок-то. Нашим и в бошку не вскочит". И тут раздается громкий выстрел, потом второй, потом третий. У отца лицо делается растерянным и жалким. Он открывает дверь горницы - самой большой и самой белой комнаты в доме. Вся комната из белой превратилась в красную. На полу, на лавках и окнах - всюду что-то красное, липкое, и пахнет малиной. Отец стоит в дверях и повторяет одно и то же: "Ну, говорил же, ну говорил - не надо бутылки закупоривать, малинке бродить нужно, она бродить должна, малинка-то".

Мама моет горницу, трет доски мелкими камешками, смеется и дразнит папу Васю: "Малинка нежная, бродить надо малинке-то, понимаете?". Вася не выдерживает, сначала улыбается, потом смеется, и мы все смеемся, и все повторяем: "Ну, бабы, ну, дуры, ведь нежная малинка-то".

Потом, после войны, мы никогда так не смеялись.

Тетя Маша - сестра папиного отца, она "приютила" Васю и Нюру, когда они поженились и у них не было своей избы. Когда она приезжала погостить к нам в Ленинград, в комнате городской коммунальной квартиры начинало почему-то пахнуть яблоками, сеном, печеным хлебом. Ленинградские "ярославцы" приходили "повидать" тетю Машу, садились за стол и чинно и долго пили чай, наливая его в блюдечки. А тетя Маша рассказывала деревенские новости, окая, как все ярославцы: "Петька Маньку взял, хорошо живут, третьего родили. Иван помер, Свистуновский-то Иван. Отпевали. Поминки хорошие устроили. А в Попкове службы давно нет. Сломали церковь-то. Такая церковь была! Сломали".

В воскресенье родители повели тетю Машу в Эрмитаж.

**Анна Ивановна Доронина
с дочерью Галиной**

Потом вернулись. У тети Маши сконфуженный вид, мать смеется, отец тоже. Мать рассказывает: "Вошли в залу-то, внизу которая, она на лавку садится, на мраморную. Смотрю, матушки, валенки сняла и в носках шерстяных пошла по Эрмитажу-то. Мы говорим: "Теть Маш, надень, смотрят все, что ты с валенками в руках в одних носках гуляешь". А она говорит: "В такие полы только смотреться нужно, а не сапогами топтать". Так два часа и проходили. Валенки-то Вася потом взял. Он нес". А папка закурил и сказал: "У меня от валенок руки не отвалятся, знаете". А тетя Ксения шептала маме на кухне: "Кольку бы моего взяли, ведь не был там еще Колька-то, он бы и валенки нес".

Я приезжаю в Ленинград чаще всего ранней весной. Иду в Эрмитаж. Вход снизу. Не тот, парадный широкий вход, которым должно входить в это здание, которым входили все и всегда, а сбоку и снизу, будто спускаешься в подвал. Десятки тысяч людей ежедневно ходят, ступают по паркетным красотам дворца. Составленный из различных пород дерева, любовно подобранный художниками, политый потом и кровью своих создателей, эрмитажный паркет не виден. Кто-то забыл, что это высокохудожественное произведение, что на него тоже надо смотреть, любоваться им. Проходят тысячи школьников, не подготовленных к восприятию, ничего не видящих - только смотрящих. А приход в Эрмитаж они должны запомнить на всю жизнь - такой силы должен быть эмоциональный толчок, такое открытие.

Они ходят, как по фойе кинотеатра. Для них эрмитажный буфет с плохим кофе и пирожками - более приятен и больше запомнится.

И какой интуитивной культурой, какой тонкой душевной организацией обладала ярославская крестьянка, которая в носках шагала по Эрмитажу, зажав валенки под мышкой! Она умела ценить чужой труд, умела понимать красоту, и первое, чему поразились в Эрмитаже, - были не статуи и не картины, а просто пол, по которому она ступала. Вместо белых досок пола своей избы она увидела сияющую живую красоту, созданную из дерева. Поразились и, как полагается православному, поклонилась этой красоте своеобразно - сняла валенки, чтобы сохранить, не испортить.

Она умела видеть.

8.11.84

Прошла финская война - в памяти остались синие лампочки, которые освещали подъезды, занавешенные одеялами окна и крик дворника: "Щель в окне закрывайте, щель у вас - кому сказано!"

Вася уехал далеко, под Выборг, "организовывать" большой санаторий. И мы почти всю зиму были без него. Мама волновалась, боялась за Васю, что его кто-то подкараулит и убьет - "финны очень коварные". Весной Вася приехал на три дня, привез нам с Галькой красивых конфет, "заграничных", и все рассказывал, какая красота в том месте, где организовали санаторий, какое озеро и какие леса. Он уехал, и мама опять стала грустной, совсем не смеялась и говорила тете Ксене: "Чего-то у меня душа не лежит туда ехать". И поехали мы только двенадцатого июня.

Приехали. Увидели санаторий, похожий на замок, озеро и нашего Васю, который все повторял: "Ну, уж вы и собирались, знаете, я уж не знал, что и думать".

Дом, где жили служащие, стоял на берегу этого самого озера. Вокруг озера были елки, и вода казалась темной и какой-то траурной.

Нюра чисто вымыла две маленькие наши комнаты, повесила занавески и поставила цветы в банке.

А потом в толпе, которая стояла вокруг длинного серого репродуктора, я держала Васю за руку, чувствовала, как рука из горячей сделалась совсем холодной, и по этому холоду поняла, что случилось что-то такое важное, неожиданное и страшное, чего еще не было в моей жизни. Вася наклонился и сказал: "Беги, скажи мамке, что война. Да не пугай сразу-то, скажи: мама, война, мол". Я бежала к дому у озера, увидела Нюру в окне, а рядом банку с ромашками и закричала весело, чтобы не испугать: "Мама, папа сказал, что война, мол". И окно стало из светлого темным. Исчезла Нюра в белом платье, и упала банка с ромашками, и кончилось все, что называлось "до войны".

Через несколько дней, поздно ночью, Вася усаживал нас в грузовик. По бокам кабины на этом грузовике стояли две колонки, которые шофер топил чурками, чтобы машина двигалась. Детей посадили на скамейку между колонками, нас с Галькой

тоже. Папа закрыл нас серым бабушкиным одеялом и подоткнул со всех сторон, чтобы не дуло. Он все говорил: "Ничего, ничего, главное вам не простудиться", и лицо было у него растерянное. А Нюра старалась его успокоить, надевала все кепку, которую он снимал, и говорила: "Ведь ты дня через два приедешь".

Грузовик трясло, мне от колонки жарило бок, плакал грудной ребенок, ветер срывал одеяло. Было холодно всему телу, кроме бока, который превратился в тот самый уголек из печи. Нюра плакала, глядя на нас и на грудного. Галька толкала меня к колонке и говорила: "Ну что ты ко мне двигаешься, я и так на кончике сижусь".

Часто останавливались. Сквозь серое и сырое утро навстречу нашей машине шли нескончаемым темным потоком красноармейцы. Звук - будто гудит земля, шаг в шаг, колонна за колонной, молча и неотвратно. Это первый "военный" звук, не похожий на гулкий и веселый звук парада.

На другой день вечером мы въехали на грузовике в незнакомый Ленинград, который встретил нас белыми крестами на черных окнах. У булочной стояла длинная очередь, хотя булочная не работала, и тетя Ксения сказала: "За сахаром стоим, утром сахар возьмем, я на тебя, Нюра, тоже заняла".

На бабушкином одеяле образовалась большая черная дыра с той стороны, что у колонки, и Нюра сказала: "Чего же ты молчала, дурочка, ведь больно же, покажи бок". Она смазала мой красный бок борным вазелином, взяла авоську и пошла с тетей Ксенией стоять за сахаром.

Сестры Галина и Татьяна

Детей эвакуировали из Ленинграда. Нюра сказала: "Никому своих не отдам, я без них с ума сойду". Приходили из Галькиной школы, приходили из ЖАКТа и еще откуда-то. Нас вносили в списки, Нюра плакала, прятала нас с Галькой в комнату тети Ксении. А Вася все не приезжал, он сдавал дела, потому что санаторий превратили в госпиталь. Нюра с тетей Ксенией стояли в очередях все ночи, а утром приносили пшено или соль, или муку, и кулечки из серовой бумаги лежали на столе. Кровати убирали мы с Галькой, и наша комната, которая всегда была такой чистой и красивой, - стала чужой и неудобной. Потом приехал Вася, куда-то ходил, у кого-то просил, чтобы нас отправили в эвакуацию "к своим" в Ярославскую, и вместе с мамой. Принесли повестку, и Вася сказал: "Очень повезло - вас отправлю, успею". Нюра стала собирать чемоданы, целых два, вязать узлы. Она бегала на кухню, где кипятилось белье, складывала кульки с пшеном, шила Васе мешок, садилась на кровать, плакала, потом опять бежала.

Я боялась, что она не уложит мою куклу. Нюра с Васей купили мне ее зимой. Пошли покупать лыжи, а купили куклу - большую, гуттаперчевую, в розовом платье. Я просыпалась по ночам, чтобы проверить - есть ли у меня кукла, или это сон. Назвали ее Катей. "Мама, уложи куклу". - "Ну куда еще куклу, тебе в школу скоро". Но Вася сказал: "Не обижай ребенка, уложи". Нюра заплакала и убежала на кухню.

На другой день мы все вместе стояли в толпе у Московского вокзала и ждали, когда подадут поезд. Вася волновался, что он не успеет нас посадить, ему надо в военкомат. Он стоял, одетый в старый костюм, и держал в руке мешок из-под Галькиных валенок. Мама так и не успела дошить ему "котомочку". Вася сказал: "Все равно, не расстраивайся, я Галин возьму". И взял детский маленький мешок, вышитый Галькиной рукой, - с желтой грушей, розовой сливой и утенком на одной лапке. Он уложил в него бритву, помазок, два носовых платка, чистые носки и кусок мешковины на портянки. Сверху положил жестяную кружку и ложку с ножом. Да еще Нюра сунула бутерброды с любительской колбасой. С таким хозяйством он пошел на войну.

Эшелон подали. Он состоял из дачных вагонов с короткими скамеечками и легкими полочками из веревок - для вещей. Все

кинулись к этим зеленым коротким вагончикам, а Вася наклонился и закрыл нас с Галькой, он боялся, что нас затопчут. Нюра сказала: "Ну вот, теперь не сядем, куда уж". Но мы сели, даже одна лавочка оказалась свободной, рядом поставили два чемодана и два узла, на узлы посадили куклу. Поезд тронулся. На

Сестры Татьяна и Галина

перроне остался Вася с детским мешочком.

Поезд шел, а Нюра все тянулась через окно. Пыталась запомнить, наверное, этот длинный пустой перрон и одиноко идущего отца. Мы в последний раз видели, как он легко и ровно шел, не хромя.

Поезд пошел быстрее, и с потолка стали падать чемоданы, сумки и узлы. Пассажиры, которые назывались теперь не пассажирами, а эвакуированными, ловили свои пожитки, пытались опять водрузить их на веревочные полочки, это не удавалось, и весь проход в вагоне заполнился чемоданами и узлами. Воды не было и уборной тоже. Для нас началась наша новая, "эвакуированная" жизнь.

Ехали долго до Данилова, целых пять суток. Поезд часто останавливался - и на станциях, и просто в поле. Пропускали военные эшелоны. На ночь мама укладывала нас с Галей на узкую полочку - валеком, а сама ложилась на наши узлы между полками. Она поддерживала нас, чтобы мы не свалились, но когда поезд трогался, мы с Галькой каждый раз сваливались на маму, та боялась, что мы покалечимся, и почти не спала. На станциях она бежала, захватив старый кофейник, за водой и все просила соседей: "Гражданочка, будьте любезны, посмотрите за моими детьми. Главное, чтобы они не выходили". Но мы боялись, что мама отстанет от поезда, пробирались через чемоданы к выходу

и стояли в тамбуре - ждали. "Ну куда вы вылезли, ну куда, вам велено было сидеть на месте", - каждый раз говорила мама, но мы все равно "вылезали" - страх потери Нюры был выше послушания.

...Мама лежала на траве перед большим домом и не двигалась. Я видела, что она не двигается, и понимала, что самое страшное - случилось, но бежать быстрее к ней никак не могла. Я только кричала: "Мама, не уходи, я здесь, мама!", но никак не могла приблизиться. Я бежала на месте. Это единственный детский сон, который я унесла с собой в свою взрослую жизнь и который пугает меня до сих пор...

В Данилове на маленьком перроне стояли только незнакомые нам люди. Нас никто не встречал, расписания поездов не было, и никто не знал, когда и каким поездом мы приедем. Мама поставила чемоданы, взгромоздила на них узлы, поставила нас с Галей тоже, как ставила чемоданы (мы спали стоя), и сказала: "Все же приехали".

Маленький Данилов принимал первых "вакуированных" и не знал, что это надолго. Самое страшное - отсутствие писем от отца. Мы не знали, где он, не было адреса, куда писать, и мама встречала почтальона далеко за деревней.

Мы живем у Лизаветы, у бабушки. Каждый вечер перед сном Лизавета становится перед образами и начинает тихонько молиться. Она молится за сыновей - Константина и Ивана, за внуков Михаила и Бориса, за мужа дочери Анны - Василия, она молится "за воинов". И так странно, что мой мирный, не умеющий даже ругаться, добрый Вася - теперь называется "воином", он даже курицы не мог зарезать, всегда других просил: "Я, знаете, живых резать не могу". Теперь он воин, а где он воюет - мы не знаем. Потом пришло письмо. Мы читали это письмо все по очереди, начиналось оно так: "Здравствуйте, дорогие жена Нюра и дочери Галя и Таня. Пишет вам ваш папа Доронин Василий Иванович". Здесь мы начинали плакать. Лизавета молча ставила перед нами пирог с картошкой и говорила: "Живой". Слово одно это слово и ее пирог - такое великое благодеяние, что требовать еще чего-то от жизни мы не должны, не имеем права.

Она была права. "Живой" - это чудо, это превыше всего, и

если еще ты этого не понял - ты не знаешь ничего, ничего ты в жизни еще не постиг. Вася был живой - какое же это счастье!

Я соразмеряю свою жизнь сегодня, свое счастье и несчастья сегодняшние с бабушкиной краткой формулой: "живой". Молчаливая, худая Лизавета, с повязкой на глазу, была права.

11.11.84

Как долго мы ждали тогда Васю.

Мама с Галей ушли в Данилов, мама - устраиваться на работу, Галя - в школу. Я осталась с Лизаветой. Лизавета встает, когда на улице еще темно, хозяйство у нее маленькое - один огород, но она привыкла вставать рано. Я лежу на печке вместе с кошкой и тремя котятками. Эта кошка окотилась летом, когда мы спали в холодном чулане, окотилась прямо на сенном матрасе, на котором спали мы: мама, Галя и я. Нюра не отдала котят топить. То, что кошка окотилась рядом с нами, показалось Нюре хорошим знаком. И вот теперь три живых котенка, кошка и я спим на печке и ждем, когда Лизавета принесет от соседней парного молока. Лизавета не спешит. Она зажигает маленькую керосиновую лампу, умывает лицо из рукомыльника, похожего на глиняный маленький чайник, и становится на колени перед иконами. Худые ее колени громко стучаются о половицы, я вижу длинные Лизаветины ступни и мелькание белого платка. Лизавета кланяется, крестится тремя пальцами, сложенными в щепотку, и я слышу: "Мать Пресвятая Богородица, помоги детям моим". Так подробно и долго Лизавета говорит только с Богом. Потом она поднимается с колен и уходит за молоком.

Делать мне нечего, читать тоже нечего. В конце деревни - дом из длинных бревен, с широкими окнами. Это деревенская школа. Захожу. Окающая учительница, похожая на простую колхозницу, не удивляется моему приходу и говорит: "Ленинградка к нам пришла, садись вот сюда, в левый ряд, здесь у нас первый класс, а справа, куды ты села, второй". Я быстро пересаживаюсь в левый ряд, десятки глаз смотрят на меня слева и справа, мне неловко, но я сижу. На перемене ребята пели. Усаживались в

**Василий Иванович
Доронин**

тошка, и мы пошли в Данилов. Помимо работы на комбинате, мама ходила подрабатывать - убирать капусту. Галя ходила тоже. Потом они обе простудились, и ноги у той и у другой покрылись какими-то струпами. Фельдшер Михаил Петрович сказал, что это от какого-то обмена веществ.

Я ходила в валенках, которые были мне велики, - подарок Лизаветы. Стерла ногу, и нога стала болеть. Нюра на саночках повезла меня в поликлинику, там что-то сделали с моей ногой, забинтовали ее, и Нюра привезла меня обратно. А на другой день я уже не могла ходить, болела вся нога, и Михаил Петрович сказал, что мне занесли инфекцию.

Мама на работе, Галя в школе. Я лежу на жестком топчане, нога согнута и очень болит. Я думаю о Васе, от которого опять нет писем, о том, что если бы Вася был с нами - у меня не болела бы так нога, мамка не плакала бы так часто, а Галя бы была отличницей, как в Ленинграде. И какой же лучший в мире город - Ленинград, в котором осталась Фонтанка, Иоланта, и тетя Ксения, и мои тетки. Тетя Катя писала, что все мужчины - и дядя Миша, и дядя Митя, и дядя Володя - ушли на войну, что она сама устроилась работать на завод, "на котором работал до войны Мишень-

коридоре на лавочке, и кто-то начинал: "Дедушка ты, дедушка, седая бородушка". И все подхватывали и пели красиво и дружно. Я быстро запомнила их песни, особенно полюбила песню про дедушку и пела вместе со всеми.

Потом за мной пришла мама. Она устроилась на комбинат - шить солдатские шинели, у нее была рабочая карточка, а у нас с Галей - детские. Мама сказала, что жить мы будем теперь у ее двоюродного брата Василия, он нам выделил маленькую комнату.

Лизавета проводила нас до школы, отдала маме корзину, в которой лежали сухие грибы и карто-

ка", что сам Мишенька на Ленинградском фронте, а от Мити и Володи нет никаких вестей. Еще она писала о голоде, холоде и обстреле. В письме было слово "дистрофия", и Нюра долго гадала, что это значит.

Заражение дальше не пошло. Нога перестала постоянно болеть, но осталась согнутой в колене. Фельдшер сказал, что на колено надо укладывать горячее льняное семя, тогда нога будет постепенно распрямляться.

Льняное семя было в деревне, значит, надо ехать в деревню. И вот приехал Тошка, брат двоюродный, мой и Галин. Ему двенадцать лет, он сын Лизаветы младшей, Нюриной сестры. Колхоз, в котором работала дояркой тетя Лиза, дал лошадь, Тошка запряг ее сам в широкие розвальни и приехал за мной. В розвальнях лежало сено и тулуп. Нюра закутала меня в тулуп и села рядом. Я никогда не думала, что семь километров - это так далеко и так больно. Семь километров боли - это долго, я вскрикивала при каждом толчке, Нюра вскрикивала тоже, потом шептала мне на ухо: "Ну, немножечко, ну, самую чуточку потерпи, ведь почти половину проехали, маленькая моя".

* * *

...Я звоню маме. Я старше той мамы, которая шептала мне в розвальнях: "Потерпи, маленькая моя", я жду, когда она подойдет к телефону, и слышу знакомый и единственный голос: "Ох ты, маленькая моя, устала поди", - и это для меня дороже всего на свете...

Тетя Лиза. Ее жизнь, ее судьба, ее участь - это книга с печальным названием "Потери". Нюра рассказывает: "Несчастливая у нас Лизка, ну что будешь делать. Она постарше меня-то будет. Ну, вышла замуж, а мужа убило, на той еще войне-то, на первой. Ребеночек остался. Она, значит, ребеночка воспитывает у родителей мужа-то. Десять лет вдовой прожила. Потом Николай посватался за нее. Красивый был Николай-то. Она пошла за него, и хорошо поначалу жили. Потом пить стал Николай, несчастье с ним случилось. У него колхозных коней увели. Напугался он сильно, думал - посадят, да и удавился на чердаке. А у Лизки трое осталось. Маленькому-то, Ишке-то, два годика".

В большой тети Лизиной избе - веселый Тошка, худенькая

черноглазая Юлька, басовитый Ишка, похожий на колобок. Лежит теленок - корова недавно отелилась. А на заднем дворе топчутся овцы, жует жвачку корова и ходят куры. Это хозяйство тети Лизы. Тетя Лиза с утра до ночи работает на скотном дворе дояркой, принимает телят, ухаживает за ними, а дома - трое маленьких детей, которых надо накормить и обогреть, да еще накормить всю животику и убрать за нею. Мое появление в ее доме было как нельзя "кстати". Племянница с больной ногой, горячее семя, лишний рот, лишние заботы и постоянная усталость. Но надо было быть тетей Лизой, чтобы воспринять этот лишний рот и лишние заботы как радость. Для нее радостно было то, что она может помочь своей младшей сестренке Нюре, облегчить участь "вакуированной", взять на себя ношу. "Своя ноша не тянет", - говорила тетя Лиза, я для нее была не чужой, а своей ношей. Это чувство родства, чувство крови - такое необходимое, мудрое и великое - жило в младшей Лизавете, было ее органикой, ее природой. Спасибо тебе, Лизавета-младшая. Свет твоей многострадальной души, твоей доброты, твоей щедрости - самое красивое и вечное, что стало доступно моему пониманию там, в твоей избе в деревне.

12.11.84

Я сегодня плохо играла, торопилась, не "проживала" целые куски, публика смеялась, а на "Скамейке" смех публики для меня то же самое, что отсутствие этого смеха на "Приятной женщине с цветком".

Я живу чувствами и мыслями персонажей, которые придуманы кем-то - иногда талантливо, иногда не слишком. Но я влезаю разумом и чувством в этот придуманный кем-то внутренний мир, делаю его своим - "чем ближе ко мне, тем лучше", позволяю вселиться в себя кому-то, иногда менее интересному и драматичному, чем я сама. И называю все это работой, своим предназначением.

В эти моменты растерянности, унижения и боли я думаю, что моя профессия не самая великая среди прочих.

...Я живу в придуманных мирах придуманных людей и считаю эту жизнь настоящей.

Кадр из фильма «Мачеха»

Настоящей жизнью жила Лизавета-младшая. Утром, когда она прибегала "с доения" покормить своих детей и свою скотину (отношение ее к своим детям и к своей скотине было, как ко всему живому, то есть подчинение, служение), круглое, простое ее лицо, чуть припухшие глаза светились лаской и заботой. Она снимала черный платок - траур по погибшему старшему сыну (Коля, ее старший, погиб в первую осень войны), ставила самовар, вынимала из печи хлеб, резала лук, ухватом доставала чугунок с картошкой и говорила: "Ну, садитесь, проголодались поди". Садись Тошка, Юля и я, тетя Лиза брала маленького Ишку на руки, и начинали все быстро и шумно есть "что Бог послал".

Тетя Лиза подвигала ко мне миску поближе, жалостливо на меня смотрела - "уж больно худая", - потом вскакивала, бежала в сени, приносила оттуда яички, укладывала их под крышку самовара, чтобы быстро сварились, и говорила: "Картошка-то

тебе не привычна, яички поешь. Мамка твоя в субботу придет, а ты такая же худая, поешь, поешь".

Когда я начинала заниматься по своим учебникам, "чтобы не отстать, чтобы год не пропал", тетя Лиза удивленно и почти-тельно говорила: "Вот ведь как! И не заставляет никто!"

В субботу вечером, когда приходили мама и Галя - замерзшие, шли по морозу семь километров (а дорога темная, а дорога наполовину по лесу), тетя Лиза не знала, как их быстрее отогреть и получше накормить. Топилась лежанка, кипел самовар, мама грела льняное семя, а я уже думала о том, что завтра вечером мама и Галя уйдут, а когда я пойду вместе с ними - неизвестно, нога с трудом разгибается, чуть-чуть, еле-еле.

Мама читает письмо, наконец оно пришло, это письмо с обратным адресом: "Новосибирск. Госпиталь".

"Лежу с тяжелым ранением в ногу, - писал Васа, - оперировали уже два раза". Мы опять по очереди читаем про Новосибирск и про ранение, и про то, что "не надо волноваться, ведь могло быть и хуже, дорогие мои". Письмо заканчивалось многочисленными поклонами мамаше, тете Лизе ("спасибо, Лиза, что приютила моих"), всем детям и всем Дорониным, которых тут целая деревня - одни Доронины.

Днем мы сидим на полатах, и я рассказываю Юльке и Ишке - какой это город Ленинград, какая у нас там большая комната с картиной и печкой, что такое телефон и как закигают на кухне газ. Потом я учу их читать стихи. "Буря мглою небо кроет", - начинаю я. Две пары глаз - черные Юлькины и голубенькие Ишкины - смотрят на меня серьезно и заинтересованно. "Юля, теперь ты прочти стихи. Ну зачем ты говоришь так быстро? "Буря" - отдельно, а "мглою" - отдельно. А у тебя получается: "Бурямглою" - это даже не понятно". Потом из горшка с углем начинает идти синий дымок. Мы с Юлькой тащим толстого Ишку в комнату, чтобы он не угорел, заливаем угли водой. Сидим в комнате и боимся за телянка - вдруг он уторит, он ведь маленький, как Ишка.

У Лизаветы-младшей я прожила до весны. Синело небо, и солнце заполняло избу, дорога из белой превратилась в черную, ласточки у окна стали летать чаще и вывели птенцов, их маленькие головки торчали из гнезда прямо над окном. Тетя Лиза выставила вторые рамы, и в избе стало просторно. Нога моя выпрямилась, и я ходила гулять по деревне вместе со всеми. И хотелось говорить: "Какая благодать". Скоро должен приехать из гос-

питался Вася. Мама сказала, что он придет с костылем, чтобы я не боялась, врачи Васе сказали, что костыль не навсегда.

Пусть с костылем, пусть с двумя костылями, но только чтоб пришел, только чтоб "живой".

Он пришел в незнакомом чужом коротком пальто, в солдатской гимнастерке, он опирался на большую тяжелую палку, шел, сильно припадая на левую ногу. Когда я бросилась к нему, спряталась у него на груди и не могли меня от него оторвать, он гладил меня теплой рукой, по лицу его лились слезы, но он улыбался и говорил: "Какие вы у меня хорошие, какие хорошие". Потом он достал Галькин мешочек, который был с ним и на фронте, и в госпитале, лежал на дне большого вещевого мешка, и мы увидели утенка на одной лапке, яблоко и сливу. Из мешочка Вася стал доставать то, что ему в госпитале дали на дорогу, других гостинцев он нам привезти не мог, но эти его гостинцы были самые вкусные - и черные сухари, и твердое печенье, и конфеты-подушечки, слипшиеся в розово-желтый тяжелый комок.

Нюра глядела на всех так, словно хотела по нашим лицам понять - действительно Вася приехал или нет, потом села рядом с Лизаветой-младшей, и они обе заплакали. Галя, Юлька, Тошка и я прижались к Васе, он обнимал нас всех и опять говорил: "Ах вы, хорошие мои". Этот день был для нас самым радостным за все дни войны.

13.11.84

...Хочу играть Чехова, для меня "Вишневый сад" стоит благоуханной легкой белой громадой и манит, и затягивает, и кружит голову. Мятущаяся душа "порочной до мозга костей" Раневской, ее тоска по чистоте и детству, ее пренебрежение всем, даже православной верой, даже своим вишневым домом - это жизнь после фразы: "Все равно". Это уход туда, где "все равно", это любовь к "камню, который тянет на дно", а по-другому этот камень называется "конец". Нет веры, нет дома, нет сына. Реальность - прощание с жизнью, которая жадна, алчна и вся в расчетах, и эти расчеты у всех и во всем. Расчетлив тот, кто в Париже, расчетлив Лопахин, расчетлив Яша и ярославская бабушка, и Пищик, и случайный прохожий. Она одна не расчетлива.

До красоты, до души, до "вишневого сада" - никому нет

Кадр из фильма «Три тополя на Плющихе». В ролях Татьяна Доронина и Олег Ефремов

дела. Это повсеместно и, значит - и в будущем. Для чего жить - так безответно в главном, в том, что является подлинным и единственно ценным - бессребренность, духовность, красота и любовь? "Надо влюбляться", - кричит она, но влюбляться - это спасение на час, а в любовь она давно не верит и знает цену "парижской любви", которую оплакивает несколько лет. Раневская едет в Париж не жить (как Мизинова), а умирать, как сам Антон Павлович уехал умирать в Баденвейер.

...А тогда, в "первую военную весну с папой", мы поселились в доме у вдовы священника. Папе, как инвалиду, горсовет выделил комнату. Вдова старенькая, у нее трясутся руки, ходит она, держась за стенки, и говорит о своем умершем муже - "Мой Ваня". Так мы и стали ее называть с Галей: "Мой Ваня".

Я хожу в школу имени Ленина. Рядом со школой рынок, где продают по воскресеньям сено, овощи и молоко. На площади стоят длинные деревянные ряды, они всегда почти пустые. А у ларька, в котором ничем не торгуют, сидит инвалид на коляске. Поет он больше одну песню: "Двадцать второго июня, ровно в четыре

утра Киев бомбили, нам объявили, и началась война". Мне хочется ему сказать, что петь надо по-другому, надо петь: "что началась война", а то получается, что сначала объявили про войну, а потом она началась. Но чтобы подойти к инвалиду, надо иметь какую-то мелочь, а то неудобно. Мелочи нет. Но зато на большой перемене нам выдают картофельную запеканку. Я заворачиваю в промокашку кусок запеканки и иду к инвалиду. Он взял мое подавание, и тогда я сказала ему, как надо петь. Он сказал: "Повтори, не понял". Я объяснила. На следующий день инвалид увидел меня и запел, выделяя громко: "Киев бомбили, нам объявили, что началась война". Потом поманил меня рукой в варежке, я подошла, и он протянул мне картофелину и соленый огурец. "Возьми, доченька. Папа у тебя на войне?" - "Недавно пришел". - "Раненый?" - "Да, в ногу". - "Работает?" - "Нет еще, нога болит". - "Пьет?" - "Нет, он у нас не пьет". - "Совсем?" - "Совсем". - "Да так же не бывает". - "Не знаю". - "Ты мимо так не беги, нам со старухой хватает, а ты растешь. Держи, держи, не стесняйся".

По воскресеньям, когда был "большой базар", он напивался, и его "старуха" везла за веревку его тележку, как когда-то, давно-давно в Ленинграде, папа вез меня на санках по переулку Ильича.

Учительницу зовут Валентина Васильевна Харченко. У нее светлые волосы, уложенные двумя легкими валиками, и широкая коричневая доха. В классе холодно, мы все сидим в пальто и в валенках, а Валентина Васильевна - в дохе. Она читает "Сын артиллериста" - про мальчика, которого вырастили отец и друг отца - оба военные. Мальчик тоже стал настоящим военным и в тылу у немцев "вызывал огонь на себя". "Радио час молчало, потом раздался сигнал: "Молчал. Оглушило взрывом. Бейте, как я сказал. Я верю, свои снаряды не могут тронуть меня"...

Эти строчки я запомнила сразу. А через несколько дней я знала всю поэму наизусть и читала ее в старших классах. Потому что учительница по литературе в старших классах подошла ко мне и сказала: "Приди к нам завтра на урок, почитай про сына артиллериста".

А потом в единственном даниловском учебном заведении - педагогическом техникуме - я стояла на настоящей сцене, в пальто и валенках, и произносила самые прекрасные слова из тех, которые тогда узнала и которые волновали меня до слез: "Держись, мой мальчик, на свете два раза не умирать, ничто нас в жизни не может вышибить из седла". Читала и удивлялась, что такую боль-

шую поэму так внимательно слушают - ведь вечер отдыха, ведь танцы, ведь Новый год, ведь они все взрослые, а я еще нет. Но они сидят и слушают, и никто не говорит: "Уж больно долго ты читаешь".

А еще я хожу в Дом пионеров. Руководит этим Домом одна "вакуированная" из Москвы. Она ведет два кружка - "театральный" и "танцев". Танцы без музыки, на счет: "Раз, два, три, раз, два, три". Мы, несколько девочек, стоим у стульев, которые сейчас не стулья, а станок, и пытаемся в валенках присесть и делать книксены. У нас скоро будет выступление в клубе железнодорожников, на очень большой сцене. Мы будем танцевать танец снежинок, уже не на счет, а под музыку, потому что в клубе есть пианино. "Вакуированная из Москвы" сшила из марли платье снежинок, и вот мы на сцене. И совсем не холодно в тапочках и в марлевых платьях, а легко двигаешься, и валенки не бьют тебя по коленям, пальто не стягивает твоих рук, и как хорошо, и как красиво, и совсем не страшно, что сцена большая.

Мы кланялись после танца, как нас учила "вакуированная" - "глядя на зрителей с улыбкой". И даниловские железнодорожники, работавшие без выходных, усталые, с воспаленными глазами, обведенными угольной пылью, как черной краской, - тоже улыбались и долго и тяжело аплодировали нашему неумению, нашим марлевым платьицам и нашему военному детству. После такого - совсем легко было выйти во втором отделении и читать: "Крест-накрест белые полосы на окнах светившихся хат, родные тонкие березки тревожно смотрят на закат, и юноша в одежде рваной повешен на кривой сосне, и чей-то грубый, иностранный, нерусский говор вдалеке".

Я забыла многое из того, что было значительным и важным, но этот тускло освещенный зал клуба, сцену и глаза взрослых дядей и тетей, которые слушали про "нерусский говор вдалеке", - я помню и запах зала помню - пахло мазутом, керосином и махоркой.

Спасибо вам, Валентина Васильевна, вы были настоящей "первой учительницей". Вы понимали силу слова, силу поэзии. И военные стихи Симонова, Алигер, Твардовского - мы услышали из ваших уст, поняли их, насколько могли понять, а главное, почувствовали, как должно, то есть восприняли их правду, их боль. Мы соприкоснулись с величием подвига и с понятием Родина через честные и прекрасные стихи больших поэтов. Радио было только на площади у рынка, его включали, когда тревога,

1998 год. Президент России Владимир Путин и Татьяна Дорощина. Во время церемонии вручения ордена «За заслуги перед Отечеством»

когда выводили нас из здания школы, "чтобы в случае чего вас не засыпало". Театра тоже не было. Кино показывали редко и в основном "довоенные" картины. Но причастность нашу к общим бедам, общим радостям - мы чувствовали благодаря нашей учительнице, недавней выпускнице даниловского педагогического техникума.

Тетрадей тоже не было - мы писали на старых бухгалтерских книгах, учебников было мало, их не хватало на всех, выдавались они "по очереди", но библиотека была, поэтому Пушкин и Толстой, Аксаков и Марк Твен, Гоголь и Чехов уже начинали вести нас за собой, взяв наши замерзшие детские руки - все в цыпках, в чернильных пятнах - в свои, большие, теплые и вечные. И мне кажется, что острота восприятия объяснялась прежде всего именно трудным бытом военного детства, постоянным холодом, неудобствами, хроническим "хочу есть".

Война формировала нас жестко, быстро и безжалостно. Она учила нас ценить все, что казалось прежде таким естественным - спокойное небо над головой, отца и мать, кусок хлеба, теплую одежду, целую, не залатанную со всех сторон обувь.

В дни войны чудо настоящей литературы начинало раскрываться так, как оно должно раскрываться, - праздником, познанием прекрасного, откровением. Я не считаю, что война - школа, пусть последующие поколения никогда не узнают потери близких, разруху, лишения и страх, но то, что все названное может быть реальностью для них, для "невоенных поколений", - нужно "вложить" в их сознание, в их сердца. Очень жесткие они сейчас, оупевшие от шума, грохота современной музыки и современных ритмов. Идут - в джинсах, красивых курточках, а текст произносят, достойный обезьян: "А она (учительница) говорит: "Лев Толстой"... твою мать. Меня чуть не стошнило".

"Поколение" не умеет читать, видеть, понимать. Оно "выбрало" пепси. Какое преступление: уничтожить целое поколение! Какая нерасчетливость!

Алексей Макарович СМИРНОВ

Огромный человек с душой ребенка

До войны

Алексей Макарович Смирнов родился 28 февраля 1920 года в городе Данилове Ярославской области. С детских лет мальчик мечтал стать актером. В конце тридцатых его мечта сбылась - он поступил в театральную студию при Ленинградском театре музыкальной комедии. А после ее окончания, в 1940

А. М. Смирнов в роли механика Макарыча в фильме «В бой идут одни старики»

году, Смирнов некоторое время работал актером эстрады.

Перед войной Алексей познакомился с девушкой, Лидией Масловой, жившей по соседству. Между молодыми людьми вспыхнула любовь. Лидия Маслова вспоминает: "Он так красиво за мной ухаживал! Каждый день клумбы цветов обрывал для меня, серенады в парадной затягивал так, что жильцы дома милицию вызывали...". На Новый, 1941 год, Алексей сделал ей

предложение. Пятого марта они подали заявление в ЗАГС, но расписаться так и не успели. Началась война...

Уходя на фронт, Алексей спрятал обручальные кольца и сказал Лиде на прощание: "Ты меня, главное, дождись, я скоро вернусь, и мы сразу же сыграем свадьбу".

Война

Центральный архив Министерства обороны хранит в своих недрах красную папочку с личным делом красноармейца Алексея Макаровича Смирнова. Командовал огневым взводом в 169-м минометном полку, прошел путь от рядового до лейтенанта. Два ордена Славы - 2-й и 3-й степени, орден Красной Звезды, медали "За отвагу" и "За боевые заслуги".

Выдержка из наградного листа Алексея Макаровича к приказу по третьей артиллерийской дивизии от 15 сентября 1944 года (первый орден Славы):

"20 июня 1944 года в районе высоты 283 противник силою до 40 гитлеровцев атаковал батарею. Товарищ Смирнов, воодушевляя бойцов, бросился в бой, отбил нападение гитлеровцев. На поле боя осталось 17 немцев, сам лично взял в плен 7 немцев."

Вторую Славу он получил за бой близ деревни Посташевице. Вновь была немецкая атака, рукопашный бой, и скупые строки в наградном листе:

"Товарищ Смирнов с тремя бойцами бросился на немцев и лично из автомата убил трех гитлеровцев и двух взял в плен. 22 января 1945 года, несмотря на интенсивный ружейно-пулеметный и артиллерийско-минометный обстрел, с расчетом переправил на себе миномет на левый берег реки Одер, в этом бою было уничтожено две пулеметные точки и двадцать гитлеровцев."

Во время одного из боев на одерском плацдарме он был сильно контужен взрывом снаряда и после лечения в госпитале комиссован...

Никакой свадьбы не будет...

После лечения в госпитале Алексей Смирнов вернулся домой. Он не стал сообщать о своем возвращении Лиде, ее при-

гласила мама. Вспоминает Лидия Маслова: "Я на скорую руку испекла яблочный пирог и побежала к Смирновым. Ведь я столько лет его ждала! Я знала, что Леша жив, - он мне каждый месяц весточку с фронта отправлял. Так вот, открыла я дверь в комнату - и остолбенела. Леша даже не поднялся с кровати. "А, это ты, - лениво повернулся он в мою сторону. - Ну, как дела?" Я так и застыла на месте. "Лешка, я тебе пирог принесла". - "Да не хочу я твоего пирога, и вообще, кто тебя звал?!", - вскипел он".

После этих слов девушка выбежала из комнаты. А Алексей сел за стол, выпил залпом стакан водки, закусил пирогом, который Лидия оставила на тумбочке, и заплакал... "Никакой свадьбы не будет! Никогда! И не спрашивай меня больше об этом", - сказал он тогда матери.

Через два года Лидия Ивановна вышла замуж. Свадьбу сыграли во дворе дома. Пригласили всех соседей. Не было только Смирновых. Алексей весь день молча просидел около окна.

Из рассказа Лидии Масловой: "Утром следующего дня около моей двери лежал букет цветов, сорванных с нашей дворовой клумбы. Я сразу догадалась, чей это подарок. Рядом находился бумажный конверт. Я открыла его и ахнула - там были наши два обручальных кольца и записка: "Будь счастлива".

Только потом девушка узнала, что тяжелая контузия привела к тому, что Алексей не мог иметь детей. Боясь испортить жизнь любимой, он решил порвать с ней отношения...

Театр музкомедии

Тем временем Алексей решил попробовать вернуться на сцену и в 1946 году был принят в труппу Ленинградского театра музыкальной комедии.

Первые послевоенные годы Алексей Смирнов буквально влачил нищенское существование. В кино он тогда еще не снимался, а в театре играл лишь в массовках. К тому же на руках у актера была больная престарелая мама.

Чуть позже Алексею стали доверять роли второго плана. Учитывая внешность актера (а был он человеком внушительной комплекции, с круглым лицом и носом-картошкой), режиссеры обычно доверяли ему роли откровенно комические, даже без на-

Алексей Смирнов. Фото военных лет

мека на какой-нибудь драматизм. Однако именно в этих ролях Смирнова и полюбила театральная публика. Любой выход этого актера на сцену вызывал у зрителей неопишуемый восторг и веселье. Особенно любили Алексея Макаровича дети.

В начале 50-х годов на счету Смирнова было несколько заметных ролей в репертуаре Театра комедии, в том числе в таких спектаклях, как "Вольный ветер", "Девичий переполох". В спектакле по пьеске-сказке Н. Адуева "Табачный капитан" Смирнов сыграл

свою первую полудраматическую роль - Петра I.

Любопытно, что в театре, где работал Алексей Смирнов, долгое время ничего не знали о его боевых заслугах. Никому и в голову не могло прийти, что этот неуклюжий добряк воевал, прошел путь от рядового до лейтенанта, был разведчиком, командовал огневым взводом в минометном полку. Он очень не любил распространяться на эту тему: "Ну, служил, ну, есть какие-то награды - так ведь в войну все отличились. А я ничего особенного не сделал". Однажды, в 1954 году, театр гастролировал в закрытом городе Капустин Яр. В выходной день актеры вышли прогуляться в поле и увидели отдыхающих военных. Смирнов, преобразившись, строевым шагом направился к одному из шезлонгов. "Товарищ маршал, разрешите доложить: лейтенант Алексей Смирнов!" - отрапортовал он.

Из воспоминаний директора театра музыкальной комедии Владимира Пашкова: "Я присмотрелся: перед нами - сам маршал Жуков. "Смирнов?.. Слышал-слышал. А что сейчас делаете?" - "Я артист, работаю у вас во Дворце культуры". - "Хоро-

шо, вечером обязательно приду на ваш концерт". В тот день Жуков действительно пришел на наше выступление. Потом адъютант шепнул Смирнову: "Маршал лично приглашает вас на банкет". Так мы узнали о заслугах нашего коллеги".

Личная жизнь

Между тем мама Алексея Смирнова надеялась, что сын еще женится. "Лешенька, когда же ты себе девушку найдешь? Жениться тебе пора, - говорила она. - Больно охота внуков на старости лет понянчить". "Что ты, мамуля, мы с тобой еще долго проживем! Ты не только внуков, но и правнуков еще воспитаешь", - еле сдерживаясь, успокаивал ее сын.

Алексей пытался встречаться с женщинами, видя в каждой из них свою потенциальную жену. Но из этого ничего не выходило. Во-первых, он сильно переживал и стеснялся предстоящей близости. Во вторых, комплексовал по поводу своей внешности. "Ну, кому я, такой толстый и неуклюжий, нужен?! - жаловался он приятелям. - Я даже руку женщине поцеловать не могу - как-то нелепо это выглядит. Конечно, хочется найти жену. Пускай даже она не будет меня любить - главное, чтобы я ей не совсем противен был. А где такую встретишь?"

Из воспоминаний актрисы питерского БДТ Татьяны Ткач: "Мы столкнулись с Лешей Смирновым на гастролях в каком-то провинциальном городе. Он был трогательным, смешным человеком, а в каждой женщине видел потенциальную жену. Он тогда подошел ко мне, трясущимися руками протянул гвоздику и робко поинтересовался: "Танечка, а вы замужем?.." Узнав, что у меня есть супруг, он очень огорчился. В то время он пытался ухаживать за всеми женщинами".

Алексею Макаровичу казалось, что женщины посмеиваются над ним. Коллеги вспоминали, что на всех гастролях он то и дело собирал жучков или бегал по книжным базам, чтобы подписаться на редкое издание. Однажды на гастролях в Кутаиси девочки заметили у себя в номере скорпиона. Так Алексей заблудился про все и бросился к ним в комнату ловить "экземпляр". Девушки орали, как сумасшедшие, показывали на него пальцем и

крутили у виска. Ну как в такого чудака можно влюбиться?! Да и одевался он неважно. Гастроли длились по полгода. В его гардеробе был один спортивный костюм. Так он его заносит до дыр, потом заплатки пришьет - и дальше носит. Все это, конечно, не добавляло уверенности актеру.

Когда он понял, что жену ему уже не найти, решил усыновить ребенка. В 50-х годах в поселке Жилгородок Волосовской области Ленинградского района находился дом-интернат для детей-инвалидов. Сюда каждые выходные приходил Алексей Макарович.

Из воспоминаний бывшей воспитательницы интерната Марьяны Гуськовой: "Алексей сильно прикипел к одному мальчишке с врожденным пороком сердца, его звали Ванечка. Этого ребенка нам подкинули в грудном возрасте. Мы пытались разыскать его родителей, но напрасно. Мальчик рос тихим, замкнутым, с ним почему-то никто не хотел играть. Каждый день на прогулке он брал свое игрушечное ведерко, насыпал туда песок и около забора, в стороне от детей, строил куличики".

Первый раз Смирнов приехал в Жилгородок в апреле 1950-го. Привез воспитанникам интерната собственноручно вырезанные из дерева игрушки. Ребята окружили актера, выстроились в очередь за поделками. Не хватило только Ване.

- Дяденька, а мне?.. - шмыгнул носом мальчик и отошел в сторону к своему старому ведерку. На следующий день Алексей Макарович купил в магазине деревянную лошадь-качалку, о которой в то время мечтали все дети. Таких подарков Ване не дарил никто.

- Это мне? - поинтересовался малыш.

- Хочу с тобой дружить, - улыбнулся в ответ Смирнов.

Тогда Ванечке было всего пять лет.

На протяжении десяти лет Алексей Макарович навещал ребенка. Играл с ним, водил в кино, в театр, покупал ему книжки. Разрешения на усыновление он добивался ровно семь лет. Сотрудники различных инстанций объясняли отказ тем, что Смирнов загружен работой, что не сможет уделять должного внимания ребенку. Весной 1960 года он все-таки добился разрешения.

...А через месяц скончалась его мама.

«В бой идут одни старики». А. М. Смирнов и Л. Ф. Быков

Из воспоминаний Марьяны Гуськовой: "Последний раз Алексей Макарович приехал к нам в таком виде, что мы не признали в нем прежнего Смирнова: весь грязный, от него разило перегаром, а из кармана брюк торчала початая чекушка. Мы даже не пустили его за ворота. "Отдайте мне сына! - кричал он и размахивал перед нами какими-то бумагами. - У меня есть разрешение". Мы его на коленях умоляли прийти в другой день и боялись, что Ваня выбежит на его громкий голос".

Сотрудникам интерната удалось уговорить актера. Он удалился. На этот раз - навсегда.

Великолепный комик

Между тем к концу 50-х годов слава об актере-комике распространилась не только в театральной среде, но и среди кинематографистов. В 1959 году режиссер Юрий Озеров пригласил Смирнова на одну из ролей в свою картину "Кочубей". Актер сыграл в нем буржуйчика - единственного героя в этой серьезной картине, призванного специально для того, чтобы рассме-

шить публику. И Смирнову это удалось. Так произошло открытие этого актера.

В 1961 году на экраны страны вышли сразу два фильма с участием Смирнова, которые имели хороший прием у публики. В комедии Владимира Фетина "Полосатый рейс" он сыграл матроса Кныша, а в "Вечерах на хуторе близ Диканьки" Александра Роу - посла.

Однако настоящее открытие Смирнова для всесоюзного кинозрителя произошло через два года благодаря Леониду Гайдая. В новелле "Вождь краснокожих" из фильма "Деловые люди" он доверил Смирнову роль Билла - добродушного увальня, решившего заработать себе на жизнь похищением ребенка. Фильм имел прекрасный прием, причем львиная доля успеха выпала именно на новеллу "Вождь краснокожих", в которой, помимо Смирнова, участвовали еще двое актеров: Георгий Вицин и Сергей Тихонов.

После этого фильма актер Смирнов начал свое триумфальное шествие по съемочным площадкам страны. Самые разные режиссеры с большим удовольствием приглашали его в свои картины, поскольку работать со Смирновым было чрезвычайно легко. Он не только с полуслова понимал все режиссерские задания, но и безоговорочно выполнял любые трюки, от прыжков, падений и бега на четвереньках до купания в ледяной воде.

В 1964 году он снялся у Леонида Быкова в "Зайчике" и у Элема Климова в комедии "Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен".

В 1965 году на экраны вышла замечательная комедия Леонида Гайдая "Операция "Ы" и другие приключения Шурика". Алексей Смирнов в этой картине исполнил роль хулигана и тунеядца Федя. Уже в первый год проката фильм посмотрела треть страны. В последующие годы он бесчисленное количество раз демонстрировался по ТВ. В результате картина удостоилась редкой чести: она теперь - достояние коллективной памяти, органичная часть ее "действующего фонда", отчего реплики персонажей да и они сами ведут автономную жизнь. Реплики вроде "Надо, Федя, надо" принадлежат фольклору. Картина пережила

эпоху, в которой появилась, став вне-временным явлением.

Затем Смирнов снялся у Ролана Быкова в "Айболите-66" (1966), у Андрея Тютышкина в "Свадьбе в Малиновке" (1967), у Виктора Садовского в "Удар, еще удар", у Евгения Карелова в "Семь стариков и одна девушка" (оба - 1968). Все перечисленные фильмы, несмотря на их разный художественный уровень, оказались

настолько популярными у зрителей, что актеры, занятые в них, мгновенно превратились в национальных кумиров. И в большей степени это относилось к Смирнову, который, сыграв в этих картинах не только главные роли, но и роли второго плана, сумел стать одним из любимых комиков советского кино. Когда Смирнов шел по улицам любого советского города, не было человека, который не узнал бы его. Слава этого актера тогда стояла вровень со славой другого комика кино - Савелия Крамарова.

Фото военных лет

Драматические роли

Но самого Смирнова слава комика откровенно тяготила. Актер всегда мечтал играть драматические роли, а режиссеры и слышать об этом не хотели. Хотя были в этом ряду и исключения. В основном это касалось режиссеров, которые работали на

студиях союзных республик.

В 1967 году Смирнова пригласили на Белорусскую киностудию для участия в фильме "Житие и вознесение Юрася Братчика" (первоначальное название картины - "Христос остановился в Гродно"). Фильм рассказывал о далеких временах Средневековья, когда на территории Белоруссии свирепствовала чума. И вот в разгар этого бедствия в Гродно приезжает группа комедиантов. Одного из них, который изображал из себя апостола Петра, играл Смирнов.

К сожалению, работа над этим фильмом была сопряжена с массой трудностей цензурного характера, когда высокие чиновники из Госкино буквально резали картину по живому. В съемочной группе стали возникать скандалы, ряд актеров даже собирался уйти из фильма. Когда картину все же удалось завершить, она прошла малым экраном, и массовый зритель ее так и не увидел.

В другом случае, когда нашему герою предложили сыграть серьезную роль, речь идет о Киевской киностудии. Режиссеры А. Швачко и И. Самборский, зная о фронтовых заслугах актера, пригласили его в 1968 году в свой фильм "Разведчики". Фильм получился откровенно слабый, хотя и пользовался некоторым успехом у зрителей. Смирнов сыграл в нем роль разведчика, который жертвовал жизнью, прикрывая отход своих товарищей. В этом же эпизоде вместе с ним "погибал" и Леонид Быков - человек, которого актер считал одним из преданных своих друзей.

Их дружба началась в начале 60-х, когда Быков переехал из Киева в Ленинград и снял Смирнова в своем фильме "Зайчик". Однако этот фильм оказался неудачным дебютом режиссера Быкова, и после него ему пришлось ждать целое десятилетие, чтобы доказать зрителям и критикам свое право заниматься режиссурой. В 1974 году на экраны страны вышел фильм "В бой идут одни "старики", в котором Быков сыграл роль командира эскадрильи Титаренко, а Смирнов - его механика. Именно эта роль впервые по-настоящему высветила способность Смирнова играть драматические роли. В одном из разговоров с коллегами он тогда с горечью отметил: "Как жаль, что я так поздно нашел своего режиссера". Образ механика Макарыча стал одной из луч-

ших работ Смирнова в кино. При всех прекрасно сыгранных ролях эта была наиболее точна по отношению к нему самому. И Леонид Федорович это чувствовал. Он задумался об актерском феномене Смирнова. В Макарыча Алексей Смирнов вложил, наконец, всю свою душу, богатую чувствами, эмоциями, тоскующую по любви. Весь свой жизненный опыт и природный талант использовал по назначению.

Больше ничего подобного никто ему не предлагал.

Последние годы жизни

В последние годы жизни Смирнов нередко злоупотреблял алкоголем. Постепенно тяга к спиртному переросла в необратимую болезнь. Из-за этого Смирнов даже не смог сняться в картине своего друга Леонида Быкова "Аты-быты, шли солдаты", куда тот его настойчиво приглашал. Последней крупной работой Смирнова оказалась комедия чехословацкого режиссера Олдриджа Липского "Соло для слона с оркестром". Артист сыграл в ней клоуна по фамилии... Смирнов. Затем он снялся еще в трех картинах: "Маринка, Янка и тайны королевского замка" (1976), "Дипломаты поневоле" (1977), "Лес, в который ты никогда не войдешь" (1978). В последнем актер сыграл свою 77-ю роль в кино. Однако его появление в этих фильмах ограничилось короткими эпизодами.

За три года до смерти Смирнов все-таки женился на женщине, у которой было двое маленьких детей. Но это не принесло ему счастья. Жить было не на что. Из театра он давно ушел, а в кино сниматься его больше не приглашали, боясь, что он сорвется и запьет. В итоге Алексей пропил телевизор, кое-какие вещи, и жена ушла от него... Ко всему прочему добавился целый букет тяжелых заболеваний. Некогда любимый, а теперь всеми забытый, Алексей Макарович влачил жалкое существование. Соседи актера по дому рассказывали, что, видя его состояние, они звонили на "Ленфильм", просили помочь Смирнову, но никто так и не откликнулся.

В октябре 1978 года у Смирнова случился сердечный приступ. Он пролежал в больнице больше полугода. За это время

никто, кроме Леонида Быкова, его ни разу не навещал. Последний раз украинский режиссер приехал к нему 25 марта 1979 года. На прощание Быков похлопал по плечу своего друга и сказал культовую фразу из "Стариков": "Будем жить, Макарыч! Будем жить". Спустя две недели Быкова не стало - он погиб в автомобильной катастрофе.

Врачи не сообщили Смирнову о трагической гибели друга. Боялись, что это известие сломает его. 7 мая 1979 года Алексея Смирнова выписали из больницы. В этот же день он накрыл стол для врачей и поднял первый тост за своего друга Быкова, который снял такой душевный фильм о войне. Выпить рюмку за здоровье друга он не успел. Главврач обнял артиста и сказал: "Нет с нами больше Быкова. Мы боялись вам сказать...". Смирнов молча поставил рюмку, ушел в палату, лег на кровать и... умер.

Судьба мальчика Вани

Мальчик Ваня из дома-интерната, когда ему исполнилось восемнадцать, устроился вахтером на машинный завод. Свою жизнь он так и прожил совершенно одиноким, не переставая надеяться все эти годы, что найдет своего папу.

Умер он 7 мая 1992 года - ровно через 13 лет после смерти Алексея Смирнова. Судмедэксперты установили, что причиной смерти стала большая доза усыпляющего вещества, которое он ввел себе в вену. Перед тем, как совершить самоубийство, Иван оставил пакет и записку. В пакете оказалась деревянная игрушка, подаренная когда-то Алексеем Смирновым, фотографии того, кого он считал своим отцом и записка: "Папа, прости, что я не пришел на твои похороны, я узнал об этом слишком поздно...".

Похоронили Ивана Алексеевича под фамилией Смирнов. При получении паспорта он взял фамилию и отчество дяди Леши.

Огромный человек с душой ребенка

Алексей Макарович Смирнов. Алеша Смирнов. Лешенька.

Лешенька огромен, Лешенька весел, Лешенька тяжел и легко одновременно.

Лешенька встречает вас с улыбкой, расстается с вами с улыбкой. Иногда бушует - обиделся. Обидеться он мог на дерево, которое растет там, где ему надо пройти. Обидеться он мог на куст, на траву, на дождь. Обидится, но тут же простит. Обнимет дерево, ляжет на траву и будет пить с неба дождь. Лешенька... Он недолго скрытен, общаясь с ним, вы скоро узнаете его тайны.

Алеша Смирнов - фронтовик. Вырос на юмористических агитках, солдатских концертах, где потешались над гитлеровскими дурачками и всякими прочими гадами, высмеивали пьянство, всякие бытовые недостатки. Лешенька был королем мужской компании. Хохочущей, курящей, дымной.

Он тонко чувствует чужое горе, чужие чаяния, фальшь, благожелательность, а особенно - свое одиночество. У таких людей не бывает близких друзей, это особые люди. Леша - типичный пример сути настоящего актерского творчества. В нем пребывает ребенок. Он наивен, хотя сам считает, что очень даже себе на уме. Им пользовались, его надували. Кто-то даже на него

Алексей Макарович Смирнов

обижался - жмот, денег не допросишься! Да в том-то и дело, что денег у Лешеньки никогда и не было: большую ставку, как и звание заслуженного артиста, он слишком поздно получил, все тратил на маму, сам болел. Огромный рост, огромный вес, большие сосуды...

Алексей Макарович был довольно ершистым и очень сложным человеком. Тот же Шурик - Александр Демьяненко - признавался, что на съемках так и не смог подружиться со Смирновым. Алексей Макарович пришел в кино довольно поздно, поэтому отчаянно пытался наверстать упущенное и, как следствие, нередко перетягивал одеяло на себя. Это не ощущали только те, к кому актер был расположен. А таких было очень мало. Иногда он мог забыть. "А чего это Леша закапризничал? - спрашивал в таких случаях тот же Леонид Быков. - Кто обидел Лешу?" Быков знал, что просто так его друг бзудить не будет. Это значит, что кто-то поступил с ним по-хамски, проявил грубое неуважение, и надо немедленно это выяснить, потому что сам Леша никогда не назовет причину обиды, а просто начнет вдруг требовать стул, требовать убрать эту гримершу и дать другую.

Из воспоминания Павла Арсенова, режиссера: "Это было в Ялте, где я снимал фильм "Спасите утопающего". Однажды после работы мы с ним пошли поужинать в ресторан. Конечно, нашелся столик, конечно, официанты первыми попросили автограф, конечно, все в ресторане узнали его, откровенно разглядывали и улыбались. И, конечно же, потянулись к нему за автографами. Кто с чем - клочком мятой бумаги, счетом, салфеткой... Алексей Макарович все так же смущенно раздавал автографы, забыв об ужине. Я пытался урезонить поклонников: "Будьте милосердны, дайте человеку спокойно поесть!" Но все продолжалось по-прежнему... После ужина мы сидели на скамейке, слушали море, он рассказывал о своих творческих скитаниях, а я возьми и скажи: "Алексей Макарович, ну, дайте Вы понять своим поклонникам, что это не совсем прилично - подходить за автографами с этими мятыми бумажками. Хоть раз откажите!". Он ушел в себя, замолчал, стал очень серьезен. И через долгую паузу сказал: "Паша, Вы понимаете, это пришло ко мне так поздно... И надолго ли?"

Теперь мы понимаем, что надолго. Ведь смешить Алексей

Смирнов продолжает и поныне. Он клоун органический, как будто вошел в экран прямо из жизни. Сегодня на экране телевизора кривляются, почему-то приняв кривляние в комедии за хороший тон - то, что свойственно массовому американскому кино. У нас кривляние никогда не считалось комедией, и в этом смысле фигура Смирнова крайне выросла. У него еще и от природы были данные на это. Он был настоящим киноклоуном - клоуном в искусстве движущейся фотографии.

Из воспоминаний народного артиста Советского Союза Ролана Быкова: "Он закончил довольно горько, одиноко. Семьи Лешенька так и не создал - женщины были к нему несправедливы. Мечты об отцовстве так и не реализовал, а детей любил безумно. В перерывах между съемками его можно было найти только в окружении ребятишек, которые липли к нему, как к Деду Морозу, а он с огромной радостью, самозабвенно вырезал для них деревянные фигурки... Большой человек, весь растративший себя на то кино, которое могло его принять. Сколько радости он оставил в этих лентах людям!".

Город
Данилов,
ул. Карла
Маркса, 52 -
дом,
где родился
А. М. Смирнов

По материалам газет "Московский комсомолец" от 6.03.2003,
"Комсомольская правда" от 19.04.2002
и сайта "Чтобы помнили".

Юрий Петрович ЛЮБИМОВ

Из Абрамова - на Таганку

У знаменитого артиста и режиссера - даниловские корни. Их, правда, местная власть обрубилa в 1930-м году...

НАТАЛЬЯ Васильевна Малятина в сентябре отметит свое 90-летие. Руки у нее крепкие, глаза зоркие, уши чуткие, память цепкая, ум ясный. Ноги вот подводят - через скалку прыгать отказываются... Но мы и не прыгаем, а сидим с ней за уютным столом, пьем чай, беседуем.

- Помню, году в 50-м, - говорит она, - посмотрела я фильм "Кубанские казаки" и говорю мужу: глянть-ка, вон того колхозного парня играет кто-то знакомый, не узнаёшь? На афише нашла фамилию - Юрий Любимов. Значит, точно, - из наших, из абрамовских Любимовых!.. Пошел в кино приятель мужа - родом деревенский - и тоже подтвердил: наш Любимов, из Абрамова. Их породу с другой не спутаешь...

Абрамово - кто не знает - это была небольшая деревня у Романовской дороги, километрах в десяти от города. Да-да, была, а сейчас там пустырь. В одном из домов располагался Абрамовский сельсовет. Так что место бойкое, проходное. Вот Наталья Васильевна (родом из соседнего Молчанова) говорит, что девчонками они бегали в сельсовет слушать... кукушку - часы там такие были, с "ку-ку". Двухэтажный дом Любимовых - крепкой большой семьи, - в 20-х годах тоже все знали. Летом населения в нем прибывало: наезжали родственники с детьми.

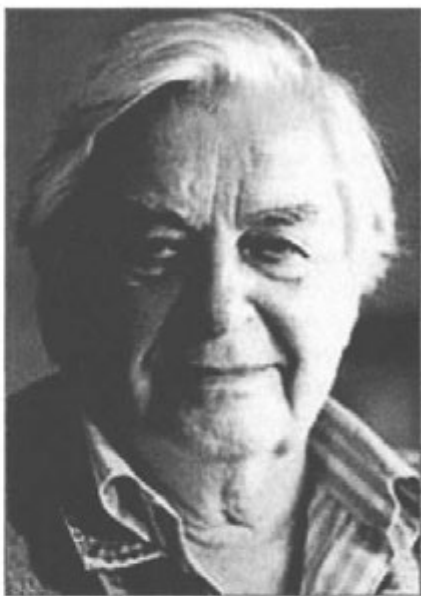
- Так что же вы, Наталья Васильевна, столько лет молчали? - обращаюсь я не без укоризны к моей собеседнице.

- Нет, не молчала - мы дома поговорили, со знакомыми об-

судили. Мы всегда знали, что Любимов - это наш папень, абрамовский, следили за его приключениями...

Кто-то, быть может, 90-летней Малятиной не поверит, но только не я. Открываю срочно раздобытую (пропустил в свое время, каюсь) книжку воспоминаний Юрия Петровича Любимова под ироничным названием "Рассказы старого трепача" и выписываю абзацами - всё про Абрамово и про абрамовскую жизнь:

«Дед и бабушка были крепостными. Когда отменили крепостное право в 1861-м году, они очень рано женились, и он очень умело вел хозяйство - по-советски, наверно, "кулак" назывался. Крестьянин. Он был грамотный, очень верующий, был церковным старостой, пользовался большим уважением в деревне. У него был великолепный сад, его руками сделанный. Дом стоял - хороший сруб в два этажа, крытая железом крыша, хорошо покрашенная. Мы любили по ней бегать, а дед гонял.

Юрий Любимов

Дед жил в деревне Абрамово, а я родился в Ярославле 30 сентября 1917 года - за несколько дней до революции все-таки я успел проскочить. Вера, Надежда, Любовь, мать их Софья и я... С пяти лет моя семья переехала в Москву.

Отец потом привозил нас к деду... Дед оставался главой семьи. Все садились за стол, и только с разрешения деда, после молитвы, все начинали есть. И отец деда всегда называл на "вы", так же как я отца всю жизнь: "папа, вы".

Видимо, это было несколько лет - в деревню мы приезжа-

ли на лето. Сперва, я помню, мы с братом приезжали, значит, еще Наташи (сестры - Р. А.) не было, а потом мы втроем приезжали. Значит, это несколько раз было. И в ночное лошадей там гоняли, и на сеновале прыгали и спали. И помню еще всякие эпизоды такие - как двоюродные братья мои, здоровеннейшие - род был сильный - они, если выпивали, то жеребца - рыжий жеребец был прекрасный, звали его Барон - они подлезали под него и таскали, кто дальше пронесет, сколько шагов. Такие развлечения. В городки они очень любили играть - с коваными битами - одной битой вышибали фигуры. Лихо играли, деревня на деревню. Ну, потом, конечно, и страшные драки я видел, деревня на деревню.

Мне врезались какие-то черты детства. Например, когда я прыгнул со стола. Дед сказал:

- Выгони корову из сада, - а я на столе танцевал... И я прыгнул и попал на осколки стекла керосиновой лампы, и она у меня вся в пятку вошла. Ну, и мама стала кричать:

- Господи!.. Скорей врача!

Дед ей сказал:

- Замолчать!

Мне дал хорошую подзатрецину, положил на колено, вынул перочинный нож, прокалил его на спичках, вытер и потом начал выковыривать все стекла из пятки. Я стал орать, он мне изредка давал подзатыльник, чтоб я прекращал орать.

Он все выковырял, посмотрел, что нет там стекол больше, залил йодом, перевязал ногу, отнес в сад и сказал двоюродной сестре:

- Сорви ему яблоко и ягоду.

У него были прекрасные яблоки - антоновка, черная смородина, малина, - замечательный сад. И мне врезалось, что дед разрешил, а двоюродная сестра сразу стала воровать: набирать за пазуху яблок - и я это помню. Потому что мне было больно, и все-таки я ей говорил:

- Как тебе не стыдно, Прашка? Дед тебе разрешил взять яблоко, а ты воруеть и столько набрала яблок!

Это вот какие-то первые понятия, что плохо, что хорошо, что нельзя врать. Как можно не слушать деда! Видите,

**Мать Ю. П. Любимова
Анна Александровна**

**Отец Ю. П. Любимова
Петр Захарович**

это врезается на всю жизнь.

И также он плавать меня учил. Взял в охапку и бросил в пруд - там карасей мы ловили - и я выплывал. Я выплыл с трудом - ну так, по-лягушачьи, он опять меня бросил. Таким образом я стал плавать.

Он замечательно собирал грибы, он их фантастически находил. Я смотрел за ним, и он меня научил, как собирать грибы. И когда он был уже не в себе, гонял меня:

- Уйди, чего ты за мной все ходишь.

А я боялся его одного оставлять. Я отбегал, а потом опять приходил, чтобы отвести его домой.

Дед носил окладистую бороду, имел иконописное лицо и мне всегда напоминал Николая Чудотворца".

Извини, читатель, за столь длинные цитаты из книги. Но ведь это впервые о наших краях - впервые от Юрия Петровича Любимова, народного артиста России, основателя и художественного руководителя легендарного московского Театра драмы и ко-

медии на Таганке... Вот еще абзац - по смыслу трагедийный:

"Я хорошо помню трагическую участь деда, как его глубоким стариком выгнали из дома, и он ничего не понял, он думал, что это просто хулиганье, бандиты пришли его грабить. Он был сильный старик, стал их прогонять из своего дома, взял коромысло, ему было восемьдесят шесть лет. Они его выкинули на снег; и с ним был insult. С трудом его все-таки родственники отходили, посадили в поезд, и он приехал с бабушкой в Москву. Отец в это время сидел, и встречал деда на вокзале я, мальчишкой совсем. Сколько мне было? Лет 11 - коллективизация начиналась... И я помогал носить вещи деду, он плохо ходил после удара, рука не работала, и я до сих пор помню, как за то, что я ему помог перетаскать на третий этаж все их нехитрые пожитки, он дал мне большой серебряный рубль. Я был удивлен и пролепетал:

- Что вы, бабушка!

Дед наставительно произнес:

- За всякий труд надо платить. Вот они не платят, и ничего у них не получится. Запомни, внучек".

Рассказ этот подтверждается документом, который воспроизведен в книге, - копия "ЛИЧНОЙ КАРТОЧКИ на хозяйство гр-на Любимова Захара Петровича - округа Ярославского, района Даниловского, селения Абрамово (Абрамовский сельсовет), - подлежащего выселению в порядке раскулачивания". В "личной карточке" немало граф. В одной помечен возраст выселенца - 86 лет, в другой поименована его жена - Любимова Агафья Никифоровна, 84 года. Странно, что на пространстве одной страницы "гр-на Любимова", некогда крепостного, называют то кулаком, то купцом, то торговцем, а то и помещиком. Причины раскулачивания: "Бывший помещик, имевший 200 десятин земли, бывший купец, имевший рыбную торговлю в гор. Ярославле и в деревне, лишенный избирательных прав, до революции в Ярославле имел 2 дома, в д. Абрамово имел маслодельный завод, до революции в д. Абрамово в поместье и маслодельном заводе имел постоянных 15 человек и поденных от 20 до 30 человек". (Надо же! - воскликну я в скобках. - Сколько рабочих мест обеспечивал один дед-Любимов в маленькой деревне Абрамово, где

сегодня - ни кола, ни двора и ни души! А масло?! Доподлинно знаю, что маслом с соседнего Тороповского маслодельного завода до революции торговали в Париже. И Любимов, буду думать, в грязь лицом не ударял - марку держал).

В последней графе "личной карточки" - место для резолюции: "Бедняцкое собрание постановило (ох, знаем мы теперь, как такие собрания созывались, знаем, откуда и кто диктовал им тексты резолюций!) как лишенца, как бывшего купца, имевшего торговлю в г. Ярославле и в деревне, выселить с конфискацией всего имущества". Тут же дата - 9 февраля 1930 года. А ниже приводится решение президиума райисполкома, узаконившего постановление Абрамовского сельсовета. Только вот строчка о конфискации более конкретна: "конфисковать дом, постройки, средства и орудия производства". Есть и подпись - непонятно: не то председателя, не то секретаря РИКа (Даниловского). Подпись, конечно, неразборчива. Но две-три буквы угадываются: имя начинается на "Д", фамилия, похоже, - на "Се...". Впрочем, надо ли открывать "охоту на ведьм"?

САМОЕ удивительное в этой истории то, что двухэтажный дом, построенный и обжитый дедом Юрия Петровича Любимова, дом, в котором под крылом деда проходило детство Артиста, сохранился, хотя, как я уже говорил, от деревни Абрамово осталось ныне пустое место. Стоит этот родовой любимовский дом в стольном нашем граде Данилове, на - ирония судьбы! - улице, названной в честь председателя Петроградского ЧК, одного из организаторов "красного террора", Моисея Урицкого, - № 45-а, - и исправно несет свою домовую службу, то бишь дает кров даниловским жителям, знать не знающим, чьи стены стали для них родными (долгожители, правда, помнят, что "перевезен дом из какой-то деревни").

Дом этот опознала все та же Наталья Васильевна Малятина. Бывала она в нем и во времена Любимовых - со сверстниками-детьми играла, бывала в магазине, пристроенном сбоку, заходила и после, когда дом отдали не то под клуб, не то под "красный уголок" - собрания там разные шли, иной раз кино крутили, а однажды, помнит, в самой большой комнате наверху состоялось заседание выездного суда - судили местного убийцу, дали

ему восемь лет...

Прошелся я недавно вокруг да около, заглянул внутрь. Ну, чего хотите - коммуналка! Крылечко явно чужеродное, позднее, наличники давным-давно ободраны, железо с крыши - кто скажет, когда испарилось? Да и шифер требует вычинки. Единственная воротина, покосившись, висит на одной петле... Но доминато каков! Огромный! Пятистенок! Как размахнулся дед-то, Захар Петрович! И детям, и внукам, думал, хватит - и век, и другой такой дом простоит! Я стукнул в коридоре по толстому бревну цвета янтаря - зазвенело оно, как молодое! Где дед такой лес валил? Как бревно к бревну подбирал?! Что за славных мастеров нашел!

Всё о даниловских домах знает местное БТИ. Всё да не всё! По их бумагам, появился этот дом в Данилове в 1937 (зловещем!) году, но "документами не подтвержден", то есть, говоря просто, "свидетельства о рождении" не имеет - сирота, подкидыш, не понятно, откуда взялся. Изначально владело домом РАЙПО. Оно-то, судя по всему, подсмотрело в Абрамове полупустующее строение и - конечно же, с разрешения РИКа (райисполкома), перевезло его в город. И не принято было тогда "подтверждать документами", у кого дом отобран и на каком основании. Долгие годы потом жили там работники потребительской кооперации. По старым данным БТИ, в доме - 277,5 кв. метра общей площади, 8 комнат (4 внизу и 4 сверху), крыша, покрытая железом, печное отопление...

ЧЕСТНО скажу, приехав в Москву, я не без волнения набирал номер Юрия Петровича Любимова. Надо бы, конечно, спросить, почему все эти годы он так и не собрался навестить родину деда, памятные места своего ягодно-грибного детства. А впрочем, зачем спрашивать - можно догадаться, что он ответит. Когда твоих престарелых деда и бабушку вышвырнули из собственного дома на снег, отобрали и дом, и всё-всё-всё, когда лишили прав и велели Любимовым убираться, куда глаза глядят, - зачем, к кому возвращаться?!

Неловко вроде и приглашать человека в гости - приезжайте, мол, тут теперь вам будут рады, хотя тогда и отобрали, выгнали... Другие времена, другие нравы на дворе, но ведь никто из

власть имущих даже речи не заводит о том, чтобы, к примеру, вернуть отнятое, возместить материальный ущерб и моральный вред, никто не скажет - честно, открыто, искренне - тому же Юрию Петровичу Любимову: "Прости!"

Знает ли он о дедовском доме, о том, что дом жив, хотя и изрядно переделан? Может, это станет для него приятной новостью? Может, ностальгия возьмет свое и пообещает Юрий Петрович по веселому июню-июлю заглянуть в Данилов, - может, найдет на каком-нибудь известном ему одном косяке зарубку, отметившую рост мальчишки в 10 лет...

Но волновался я зря. Едва узнали и Юрий Петрович, и его супруга Каталина (служащая сегодня настоящим ангелом-хранителем Театра) о том, что везу фотоснимки дедова дома, передо мной открылся зеленый свет.

Целых два часа толковали мы с ними "за жизнь", несмотря на то, что сейчас здесь всё расписано по минутам, ведь 23 апреля - день рождения Театра на Таганке (44 года), и к нему готовится премьера - "Замок", по роману Франца Кафки. При случае расскажу подробно о наших разговорах, но вот - главное.

- Дом деда?!.. А мне говорили, что его давно нет на свете!..

Братья Любимовы, Давид и Юрий

Дайте, дайте!.. - Юрий Петрович берет фотографии, внимательно вглядывается. - Ох, сразу-то и не узнаешь... Да как же его переделали! Крыша была другая... Здесь тесом обшит, а я помню толстые круглые бревна. Хотя смотрите - пятистенки! Ну, крыльцо тут смешное, у деда было красивое, большое крыльцо, наличники на окнах красивые. И видите? - дом обращен на улицу боком, а в деревне он стоял по-другому: парадным фасадом служил теперешний бок... Надо, надо бы самому посмотреть, зайти в дом... А ведь похож...

От снимков взволнованный Юрий Петрович переходит к чтению - я расшифровал нашу магнитофонную беседу с Натальей Васильевной, распечатал и вручил ему текст. А она там называет с дюжину абрамовских родственников Любимова. Удивительно! Он все имена радостно подтверждает, добавляет свои подробности (Наталья Васильевна, однако, у вас и память - позавидуешь!)

- Почему не приезжал в Абрамово, в Данилов? Собирался, да все как-то было недосуг... Вот в Ярославль меня приглашали с театром, а потом забыли, замяли - передумали? Я ведь человек неугодный...

- Приехать в Данилов летом?.. А сколько это километров? За сколько часов на машине можно доехать? Когда там ягоды поспевают? Но не забывайте, что мне 91-й год...

- Нет, зла ни на кого не держу. А деда давно реабилитировали, вернули ему все права. Вот только самого деда не вернешь... К сожалению, жизнь без беды не бывает...

- Я с благодарностью вспоминаю деда Захара Петровича. Здоровье у меня крепкое, натура жилистая - от него, ну, и от отца, конечно, это гены, могучая мужицкая кровь. Дед научил меня не врать, научил "держаться удар"...

Юрий Петрович по моей просьбе подписывает свою книгу воспоминаний - почерк ровный, твердый, красивый: "Даниловскому музею на добрую память. Ваш земляк Ю. Любимов. 17 апреля 2008 г.". Происходит это в его знаменитом кабинете, на стенах которого (такова здесь традиция) - бесчисленные автографы поэтов, писателей, актеров, ученых, политиков со всего мира - почитателей этого удивительного Театра и его неутомимого Создателя.

Данилов, ул. Урицкого, 45-а. Дом Захара Петровича, деда Ю. П. Любимова

Почему-то раньше я неизменно думал, что бунтарь и реформатор театра Юрий Любимов весьма далек от веры, от православия, и - здорово ошибался. Знаете, с чего начинаются его воспоминания о своем детстве? С крещения, с крестильной купели! А крестили его поздно, года в два.

"Я помню, - пишет Юрий Петрович, - как меня крестили. Мне кажется, что первое мое впечатление от жизни - это купель под водой: меня окунули в чашу серебряную - ух! - и я вышел. Наверно, серебряную, потому что уж очень она сияла. И вода в сиянии в сильном вибрирует... И мне эта купель все время мерещится, преследует".

Но не вспомнит он, где его крестили - то ли в Ярославле, то ли в деревне, у деда. Дед Любимова - Захар Петрович, из Абрамова - был церковным старостой. Ближайшая к Абрамову церковь - тороповская Воскресенская. Значит, - там?

Храм этот и деда вспоминал он, когда уже в Москве пошел первый раз в школу:

"Рядом со школой церковь была, которую закрыли. И по-

мню, первое мое упрямство проявилось, когда учительница сказала:

- Дети, давайте проголосуем, что они мешают нам учиться.

Ходили в эту церковь пожилые люди, на Пасху красиво, на праздники церковные, а моя парта была у окна, и часто я с большим интересом смотрел, как идут в церковь, так как дед водил меня в церковь, я даже мальчиком прислуживал...

Учительница потребовала, чтобы мы проголосовали за закрытие церкви - дети. И там я не поднял руки, чтобы закрыть церковь.

- А ты, мальчик, почему?

- А зачем? Мне они не мешают.

- Тебя родители научили?

- Нет, никто меня не учил. Это я сам, не хочу.

- Но ты же видишь, все подняли руки.

- А я не буду поднимать.

- Иди домой, пришли маму".

Юрий Любимов мальчишкой прислуживал в Воскресенской тороповской церкви?! Краеведы, возьмите на заметку.

Ну, ладно, в детстве мы одни, а уж повзрослев, становимся совсем другими - порой с годами и вера куда-то испаряется. Но это не про Юрия Петровича. Вот его "взрослое" откровение:

"Я ходил в Воздвиженскую церковь. Были какие-то годы, когда я менее соблюдал ритуалы, а в последнее время я довольно часто хожу в церковь, причащаюсь. Там, где я жил, в Сокольниках, рядом хорошая церковь Иверской Богородицы. И был праздник чудотворных икон Иверской Богородицы. И вот когда кончился праздник, очень похоже было, как на Троицу, знаете, березы вокруг, и потом остались женщины и сами пели, уже после службы, молитвы. И я вдруг увидел такие прекрасные просветленные лица, они с таким вдохновением пели, что это мне очень потом помогло, когда я делал "Бориса". (Спектакль "Борис Годунов", запрещенный в Театре на Таганке в 1982 году и восстановленный в 1988-м. - Ред.)

От имени вновь обретенных земляков-даниловцев я подарил директору и худруку "Таганки" буклет о Даниловском Казанском монастыре, столь искусно изданный матушкой Екате-

риной (Гаевой). Юрий Петрович был тронут и с интересом рассматривал старые снимки, особенно тот, где среди монахинь, клира и прихожан запечатлен Патриарх Тихон.

- А я и не знал, что этот великий русский праведник был в Данилове! Не знал, что служил он в даниловских храмах, - Любимов не скрывал радостного изумления. - А ныне действующий патриарх Алексий к вам приезжал?.. Как же так! Разве не долг любого иерарха побывать там, где ступала нога святителя Тихона?! Как бы довести до Святейшего эту мысль? У меня, кажется, есть знакомый влиятельный человек...

Вот что значит Любимов! Вот его потрясающие импровизации!.. Тут же я представляю, как на Горушку, в Казанский, прибывает Патриарх Московский и всея Руси, как на всех телеэкранах России появляется наш величественный, но так долго ждущий капитального обновления собор, как откуда ни возьмись объявляются доброхоты-спонсоры, как после посещения Патриархом многострадального "Воскресенского ДК" решаются вопросы и со строительством нового Дома культуры, и с возрождением главного городского собора... Ах, мечты, мечты! Господи! Продли дни нашего мудрого земляка! Укрепи его в намерениях и силах!..

А ведь еще почти не было речи об отце и матери Юрия Петровича - всё о деде да о деде из Абрамова. Кстати, дед вскоре по прибытии в Москву и скончался. Поселили его с бабкой подалее от инспекторских глаз (лишенцы, раскулаченные!), в дачной Малаховке.

"Там дед и умер, - пишет в своей книге Любимов. - Он умирал совершенно как святой, ночью крикнул:

- Вставай, приведи священника!

Это было в Малаховке, и я бегал по этой не то дачной местности, не то деревне ночью. И отыскал священника, привел. Священник отпевал деда, свеча у деда горела, он сказал бабке свои наставления, потом мне сказал, что я должен передать Петру. Он так отца звал - Петр. И по-библейски совершенно - закрыл глаза и отошел".

Между прочим, Петр - отец - он ведь тоже из Абрамова, только рано вылетел из родного гнезда. Еще до революции перебрался в Ярославль, а поскольку окончил коммерческое учи-

Ю. П. Любимов с супругой Каталиной (слева) и сестрой Наталией

лице, то и служил по профилю - в торговле. В 1922 году Петр Захарович с семьей переехал в Москву. Юрий Петрович для отца красок и подробностей не жалеет:

"Папа работал в какой-то шотландской компании, которая торговала рыбой (в годы нэпа - Ред.). Рыба, икра, сельдь. Это я по разговорам только помню.

Потом у папы в Охотном ряду был магазин. С купцом Головкиным - "Головкин и Любимов". Соления: огурцы, грибы, сельдь - все мочености: яблоки моченые, арбузы, всевозможные капуста - магазин солений. Я, конечно, там бывал часто...

Я помню, что у отца были большие склады, огромные бочки-дошники, где солили капусту, и как сидели эти бабы, а мы, ребяташки, все туда бегали есть кочерыжки, когда капуста разгар, засаливали на всю зиму эти огромные кадки. У самого берега Москвы это было. Это был большой участок земли, наверно, гектара полтора-два - там были большие склады для этого магазина и, видимо, для оптовой продажи".

Запомнилось мальчишке, что отец очень любил красивые

вещи.

" Входил в комнату и говорил маме:

- Анна, парадно! Сними все чехлы с гостиной. Зажигай люстры. Поставь красивый сервиз кузнецовский.

Мама в испуге говорила:

- Кто-то придет? Ты не предупредил, Петр!

- Никто не придет, мы будем сами...

Он очень любил это. Я всегда поражался и спрашивал:

- Папа, зачем так?

Он говорил:

- Ах, ты ничего не понимаешь. Это же красиво. Жизнь одна. Надо уметь жить.

Ну, его и посадили, конечно. Барин, нельзя было терпеть.

- Ну-ка, голубчик, обгони этот трамвай! - это он на лихаче катит меня из Сандуновских бань, - порадуй мальчика моего, давай, обгони трамвай!

Тот:

- Сделаем, Петр Захарович!

И тут же эту "аннушку" обходит - трамвай носил букву "А" вместо номера.

Он своеобразный человек был, независимый, властный - после смерти деда он стал главой нашей фамилии.

Очень любил историю, от него осталась библиотека прекрасная. Там и Карамзин, и Соловьев, и Костомаров, и много других хороших книг. Отец любил их читать и приучал и нас читать".

А вот о матери и ее отце, то есть своем втором деде.

"Мама была полуцыганка, и дед был очень недоволен этим браком. Мой другой дед - по линии матери - был чистый цыган, но оседлый. Он очень любил лошадей и на выезд держал двух лошадей всегда. Просто из любви к лошадям, хотя не был богат".

Мать Юрия Петровича Анна Александровна выучилась на учительницу, преподавала в младших классах. А сложности в семье начались с окончанием нэпа.

"У папы была своя ложа в театре... Это, наверное, еще до первого ареста... 26-й год - это нэп, и еще никого не брали. Когда мама сказала мне, что папу арестовали - это я помню, по-

тому что мне стало нехорошо, и я упал в обморок. И мама очень строго сказала: "Встань! Мальчик не может так себя вести!" То есть - строгости, не то, что "Ай-яй-яй!"... Потом маму арестовали в Москве и отвезли в Рыбинск, у них такая методология была - по месту рождения, чтобы сразу оторвать от семьи. Ведь они специально это делали, чтобы дети остались... И был момент в жизни, когда вообще мы остались втроем: сестра, я и брат - взяли и мать, и тетку, и отца. У отца хотели забрать деньги - это еще был период

не политический... А мать взяли, чтобы повлиять на отца, мол, "дети остались одни - раскошелявайтесь, тогда вернем мать". Отец был гордый, сильный, он ничего не говорил им, и у него не было таких денег... А система была такая: брали и увозили в свой город - она родилась в Рыбинске, я совсем мальчишкой маленьким поехал в Рыбинск ей передачу везти... Она была в тюрьме несколько месяцев, потом она вернулась".

Мальчишка запомнил, как "чекисты привели маму, и мама отдала все свои драгоценности: кольца, серьги - все отдала".

И об отце: "Я помню, отец пришел из тюрьмы очень худой, по стенке он шел, но первые слова были очень строгие:

- Зачем ты все отдала этим мерзавцам, Анна! Это же жулье, шпана.

Им было мало того, что они все это взяли, они еще ломали паркет, искали под полом золото... Но в общем они удостоверились, что таких денег, которые они требовали, у него не было. Они требовали какие-то баснословные суммы".

А вот коротко о старшем брате и младшей сестре.

"У меня была маленькая сестричка, которая умерла, а

нас осталось трое - Наташа сестра и брат Давид. Его дразнили в школе... А папа с фантазиями у нас был, он говорил:

- Просто ослы твои мальчишки. Я тебя назвал в честь победы Давида над Голиафом.

Он был очень вольный человек, но, видимо, не учел антисемитизма, за что брат дорого платил (много дрался в школе). Его били как еврея".

Брат Юрия Петровича Давид стал видным полиграфистом, много и полезно работал, развивая эту отрасль.

И снова разговор наш заходит о дедовском доме на улице Урицкого в Данилово.

- Юрий Петрович, если все-таки подтвердится, что дом этот тот самый, ваш, любимовский, из Абрамова, - придется вешать на нем мемориальную доску. Что бы вы на ней написали?..

- Что бы написал?.. (с горькой усмешкой) Написал бы так: "Вот дом, из которого в 30-м году выкинули на снег моих престарелых деда и бабу".

- Но, может, перед этими словами вставить еще одну фразу - "Вот дом, в котором проходило счастливое детство - тут идут все ваши титулы - Ю. П. Любимова"?

- Что ж, нам, мальчишкам, там жилось хорошо...

- А если вдруг, как в Прибалтике, Госдума примет закон о возвращении недвижимого имущества бывшим владельцам, у вас будут все юридические права...

- Да что вы! Там же люди живут! На снег их никто не высылит... Да и зачем мне этот дом? Жить в городе я бы не стал. В деревню, в тишину, можно бы вернуться, но ведь вы говорите - Абрамово порушено...

- Ну, сделали бы там, хоть в одной комнатке, музей фамилии Любимовых...

- Это, конечно, интересно. Но ведь этим нужно заниматься! Кто возьмет на себя такой труд?.. Кстати, факт к размышлению: избран я почетным гражданином многих городов, но только не моего родного - Ярославля.

- Можно, я начну сбор "материала" для такого музея? Ни в одном вашем интервью не нашел ответа на простой вопрос... Вы ведь когда-то закончили ФЗУ и стали электромонтером...

- Да, было такое училище при Мосэнерго. По столбам с

когтями лазил, стены шлямбуром долбил - проводку делал. Так мы в семье решили: сначала заработать рабочий стаж - отпрыска раскулаченного никуда бы не взяли, - а потом уж думать об институте или о театре.

- Так вот у меня простой вопрос: сейчас, случись что, розетку электрическую, к примеру, заменить сможете?

- Конечно, замену. Без проблем...

- Не знаю, Юрий Петрович, чем завлечь вас в наш Данилов, а хочется... У нас, например, есть свой театр. Руководит им Галина Михайловна Прошунина, по профессии рентгенолог, приехала в город с Севера. Человек незаурядный, интересный - сумела победить жуткую болезнь, сумела - вопреки всему - собрать любителей-театралов, ставит пьесы Островского, Лопе де Вега, современных авторов и сама очень любит театр...

- Надо же! Где-то есть еще люди, которые любят театр!.. - Юрий Петрович, довольный, смеется.

Но вернемся к началу этого рассказа.

Фильм "Кубанские казаки", в котором Наталья Васильевна Малятина увидела "парня из нашей деревни", запомнился Любимову особым эпизодом на съемочной площадке. Подошла к ним "старушка в рваном ватнике, долго стояла, смотрела, а потом спросила: "Милый, из какой жизни это съмают?" Я говорю: "Да из нашей, бабушка". Она: "Ай-яй-яй, такой молодой - и врешь". Мне было очень грустно тогда, и я внутренне решил вот такими вещами не заниматься. Вот, видимо, это и привело меня к режиссуре в конечном итоге. Что можно все-таки не врать. Мне вообще никогда не нравилось врать".

Эта тема - "антивранья" - проходит у Любимова через всю жизнь. Вот строчки из очередного его интервью: "Если все-таки сказать о самом главном, то стараюсь меньше врать, а также делать все, что могу, в силу своих возможностей и отпущенного мне Господом Богом таланта". А ведь и Театр на Таганке снискал признание зрителей и ненависть властей, завоевал себе имя и место в истории тем, что не врал, а пытался говорить правду...

Разговор с Юрием Петровичем Любимовым (и его супругой Каталиной, которую он зовет - Катя, Катерина, а то и Катька) мог бы быть бесконечным. Каталина родилась в Венгрии, она - филолог, журналист, психолог. И, если скажем так: Любимов -

президент Театра, то она, конечно, - вице-президент. Историю их любви опишут со временем в увлекательном романе. Когда Любимову было 62 года, Каталина родила ему сына Петю. И теперь, после обучения во многих университетах Европы, Петр Любимов - полиглот и универсал, пробует себя на разных поприщах, и, надо думать, мир еще о нем услышит.

Разговор был бы бесконечным, коснись мы с Юрием Петровичем Его Театра, а это ведь и есть Его Жизнь. О Театре на Таганке и о его создателе Любимове написаны тома - читайте! Об актерах Театра - Владимире Высоцком, Алле Демидовой, Валерии Золотухине и многих других, ставших звездами на театральном небосклоне России, существует огромная литература - изучайте!

Нежданно-негаданно этот звездный отблеск планеты под названием "Любимов" упал теперь и на город Данилов. Такая судьба.

Руслан АРМЕЕВ.

ДАНИЛОВ - МОСКВА.

(Газета «Мой Данилов», №16, 23.04 и №19, 14.05.2008 г.).

Редакция газеты "Мой Данилов" благодарит за помощь в создании брошюры коллектив Даниловского историко-краеведческого музея им. П. К. Шарапова, журналиста Руслана Андреевича Армеева, краеведа Татьяну Михайловну Макарову, предпринимателя Виктора Вениаминовича Доброхотова и Галину Михайловну Корешкову, родственницу Т. В. Дорониной.

Содержание

Часть первая.

ДАНИЛОВ ПРАВОСЛАВНЫЙ	3
МЫ ПОМНИМ.....	4
ПАТРИАРХ ТИХОН.....	7
МИТРОПОЛИТ АГАФАНГЕЛ.....	11
ЧЕТВЕРТЫЙ СПРАВА (архидиакон Константин Розов).....	15
ТЯЖКИЙ КРЕСТ ПАСТЫРСКОГО СЛУЖЕНИЯ ВЛАДЫКИ СОФРОНИЯ.	
ЗА ЧТО САПОЖНИКА УПЕКЛИ В ПТУ.....	28
НАШ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРИК.....	34

Часть вторая.

ДАНИЛОВ АРТИСТИЧЕСКИЙ	35
ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА ДОРОНИНА.....	36
ИЗ "ДНЕВНИКА АКТРИСЫ".....	40
АЛЕКСЕЙ МАКАРОВИЧ СМЕРНОВ. ОГРОМНЫЙ ЧЕЛОВЕК С ДУШОЙ РЕБЕНКА.....	61
ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ ЛЮБИМОВ. ИЗ АБРАМОВА - НА ТАГАНКУ.....	76

Даниловские хроники

Выпуск III

Приложение к газете «Мой Данилов».
Город Данилов Ярославской области
Тираж 999 экз. 2009 год.

**Брошюра выпущена на средства администрации
городского поселения Данилов**

Редактор и составитель **Татьяна Белова**
Технический редактор **Александр Равицкий**
Фото из семейных архивов.
Корректор **Татьяна Макарова.**

При подготовке брошюры использованы ресурсы сети Интернет.